

Александр Рей

ИБТНЕ БАТ ЛОВАЩОК ТЪМА АТЪДА ФБА ЛЮДИ
 ЛЕВ А МАЯК АВО СЕБЪ АК РПНЕД ОДЛАВ КРЫМ
 О МТНЕБЪТ БАТ ЛЕ, ОРАВД ТЪЕКЪ БАЩЕЮ
 НТЪБЫ Н. РТЪА БТН ОР ОК ТЪТН БЫТ
 БТНТЪ БЮБЪ ББ ПЖДОТЪТ ТОТАК ТЪД
 ЛРЕТЬ ТЪНМА - НМ МНЪ РАЛЕТЪ Т ПОРАРНМ
 АВАПДА ТА РНДЛО РПГШГ ВПТН ИДХВЕ НММЫ
 ДАЩ ТЛ РА **ОТЧЕ НШ, НЖ ЕН НА НЕБЕСЕХ** АДА
 ПРА ЛПОР САПЕБП **ДА СВЯТИТСЯ ИМЯ ТВОЕ**
СВДА ПРИНДЕТЪ АРСТВЕНЕ ТВОЕ КЫТЪ МЪТСАКА В
 ДА БДЕТЪ ВОТА **ТВОМА** АВА РИВЪТ ЛЕЦЪБЪ БЫД
 ЗВ БЪ АБЪТЪ ТЪАК НА НЕСИ Н НА ЗЕМЛИ БЫЛР
ХЛЕБ НА НАСЪЩНЫ ДАЖДА НАМ ДНЕС НМБНЫКЫ
 ЯНАТАНА АБ БОЛЬ ПРИ СТАВИ НАМ ДОЛН НАШАДЪЩ
 РАКОЖЕ Н ОСТАКАМЕМ ДОЖНИКОМ НАШН ЧЫК
 БЧЕНЪН НА ОАН НЕ ВВЕДИ НА ВО ИСКЪШННЕАВФ
 ЖИЗНЬ Н ИЗБАВИ НАС О **АДКАВАГО** БКСТ
 ТНТЪБЪ Б АТО БЪ ТАСЧА С БТАК А ОРАТ
 ЛМЕГ, ОА ЛОМД АЩЕЛО МЪТНГЪД Т ББСЧ
 ОКЕБМТНОЫ, АБЪТЪ ЛЫЛО ЛЮБОВЪ ТАБЪ АК
 НЫДА ДЛАВЕР ДЪ ГННТЬ БЫ ТАКОЛ АФР БАЧЕ
 БЧТЪБА МАГНА НЫБЪТН БЫЖИТЪБЪ СЧ СОЛМ
 СШЪНМЧ Б ЧЕЛОВЕЧЕСТКО КОРМ ТЪЕКЪТЪ
 КОНЕЦЪ МИРА ВАВ ЛОА ОБЫТЪ БР МЪТПВЫ ЛОПА
 БАКАТЪ АБЪДЪТ РЕАНГНА ЧМ АДЖА Д АДЛОКАЛО

Б
 У
 К
 В
 Е
 Д

16+

Александр Рей

Буквоед

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39153936

SelfPub; 2018

ISBN 978-5-5321-1501-9

Аннотация

"Магия – это не чудо, а всего лишь физика. Бог – это не любовь, а просто голодная, эгоистичная сволочь. Дьявол – это не зло, как принято считать, а несчастная жертва обмана. А еще... пока ты спишь и беззаботно прожигаешь жизнь, мир подошел к черте, за которой ничего нет. Ты всего в шаге от забвения и даже не подозреваешь об этом. Какой есть выход?! Его нет! Но попробуй найти Буквоеда... Это твой последний шанс". Обложка создана автором.

Содержание

Часть I. Передай привет Алисе	5
Конец ознакомительного фрагмента.	143

ОТ НШ, ИЖ ЕИ НА НЕБЕСЕХ
ДА СВАТИТСА ИМѦ ТВОЕ,
ДА ПРИИДЕТ АРСТВНЕ ТВОЕ,
ДА БДЕТ ВОМ ТВОѦ,
АК НА НЕСИ И НА ЗЕМЛИ.
ХЛЕБ НА НАСЪЩНЫ ДАЖДЬ НАМ ДНЕС;
И СТАВИ НАМ ДОЛИ НАША,
АКОЖЕ И ОСТАВЛЯЕМ ДОЖНИКОМ НАШИ;
И НЕ ВВЕДИ НА ВО ИСКЪШННЕ,
И ИЗБАВИ НАС О ЛЪКАВАГО.

Часть I. Передай привет Алисе

– Дорогой Чеширский котик, – сказала Алиса, тщательнейшим образом выписывая реверанс. – Скажите, пожалуйста, куда мне отсюда идти?

– А-а... куда ты хочешь попасть? – вместо ответа спросил он, поудобнее улёгшись на ветке.

– А мне всё равно! Только попасть бы куда-нибудь...

– М-м... Тогда всё равно, куда идти, – немного поразмыслив, произнёс кот. – Куда-нибудь да обязательно попадёшь, но нужно только долго идти и никуда... не-е... сворачивать.

“Алиса в стране чудес”

Киевнаучфильм, 1981

Я, как обычно сижу, на диване у окна в моей комнате. Заранее включённая акустика выдыхает кельтские мотивы – виолончель в дуэте с фортепьяно. Мои глаза закрыты, благодаря чему я полностью погружаюсь в мелодию, которая прохладной волной касается моей кожи, проникает под неё, чтобы устремиться в ту точку, где зарождаются все чувства. Грудная клетка ровно посередине, рядышком с сердцем, наполняется удивительной энергией – исцеляющей, мощной, божественной. Сейчас я наполняюсь самой жизнью, чтобы

затем воплотить её, бушующую внутри меня, в строках на бумаге.

Прикладываю ручку, пока прикрытую колпачком, ко лбу. Пальцами одной руки держусь за один конец, а другой – за противоположный. Со стороны можно подумать, что я молюсь. Но это совсем не так. В голову, прежде свободную от всяких мыслей, я, словно в фотоальбом, помещаю образы всего, о чём хочу написать. Вспоминаю то, что видел сам, или то, что для меня отсняли помощники.

Часто картины из памяти пугают. Всё самое страшное, что есть в человеке, худшие из бед переплетаются в моем отяжелевшем сознании. Я хочу избавиться от этой боли, открыть глаза, встряхнуть головой, будто и не было только что во мне смертей, разрушений и горя. «Чур, меня, чур!» Но я силой сдерживаю ЭТО в себе. Меня может тошнить и может хотеться выплюнуть дрянную мерзость из себя, но я терплю... И тогда хранящаяся в груди музыка перетекает в голову, чтобы окружить непроницаемой оболочкой страшные образы. Они сливаются, превращаясь во что-то ИНОЕ, будто и вовсе не принадлежащее мне. Именно в тот самый момент, когда белый туман мелодии преобразуется в чувства, смешиваясь с яркими красками памяти, я открываю глаза.

Открываю ручку и пишу... пишу... бесконечно долго вывожу слова на бумаге, соединяю их в предложения. Из головы эти густо-радужные цвета перетекают по руке, через кисть, к кончику ручки, чтобы остаться чернильным следом.

Может быть, мне кажется, но каждый раз, когда я пишу, вокруг ручки будто плавится воздух, как бывает в жару над асфальтом. И мир вокруг исчезает. Остаётся лишь кончик пера, мелодия из наушников и произнесённые слова.

Так будет продолжаться, пока чувства внутри не иссякнут глубоким высохшим колодцем. Слова заберут всё, что хранилось внутри меня, прихватив и последние остатки сил.

Поставив последнюю на сегодня точку, закрою ручку, как самурай – свой меч. Выключу настольную лампу. С трудом поднимусь, побреду к кровати, чтобы забыться до утра.

Я пишу по ночам...

Мне пятьдесят. Или около того... Точнее сказать не смогу, потому что сам не помню. И вспоминать не хочу. Разговоры о человеческом возрасте вообще мне не нравятся. Тем более о моём. Не потому что боюсь старости – у меня её просто не будет. А потому что уже давно понял, ещё будучи подростком: возраст тела обманчив. Бывает, видишь молодого человека, который выглядит моим ровесником, и ведёт себя так же. И бывает наоборот – перед тобой совсем мальчишка, а опыта на девятерых стариков хватит. Так что...

Про свой возраст мне говорить сложно, потому что я его просто-напросто не знаю. Думаю, что равнодушие к годам – это, как говорят психиатры, такой «защитный механизм». Первые два года я провёл в детском доме (меня оставили у входа, когда мне уже было несколько месяцев), поэтому день

моего рождения известен лишь приблизительно – где-то в конце осени – начале зимы. В приюте для проформы записали 31 декабря. Придурки.

Но новогодний день рождения не мешает мне с трудом вспоминать год моего появления на свет. Каждый раз, чтобы назвать точный возраст, мне приходится изрядно поднапрячься. Сначала я перебираю произошедшие тогда в мире события, чтобы всё сопоставить и, наконец, выдать приблизительною дату. «Когда мы космос освоили? В шестьдесят первом. Значит, уже родился – или нет? Может, тогда я ещё даже не родился?» Так каждый раз происходит. Хоть убей, не могу точно вспомнить...

Но с возрастом затруднения только прибавляются. Не выгляжу я на свои года. Если я с незнакомым человеком договорился о встрече в общественном месте, то он обязательно пройдёт мимо. Про трудности с проверкой документов и рассказывать не буду, тут уж вечная беда – под сорок, а то и тридцать пять – ещё куда ни шло... И нет ощущения полувека за плечами... словно с определенного момента я просто перестал стареть.

В общем, вопрос возраста для меня достаточно болезненный. Для удобства решим, что мне пятьдесят.

Удивительно, но о том случае, который определил моё журналистское будущее, я рассказал Лёше в первый же день знакомства. Подумать только, какому-то случайному

пареньку выложил всё подчистую! Вытащил из тайника души самую большую занозу и дал её внимательно рассмотреть. Почему так случилось? Может из-за его необычайной наивности, которой и я «болел» в детстве? В этом мы с ним похожи. Только представляю эту картинку со стороны, сразу смеяться хочется – я, развалившись, чуть ли не на трёх сидениях, скольжу внимательным взглядом по бегущим мимо людям и о чём-то неспешно «повествую» сидящему рядом со мной молодому «мусору». Лёша меня сам поправил, когда я его по привычке ментом назвал. Сказал, это у них среди своих деление такое: те, кто постарше в звании, по кабинетам сидят – это «менты». А те, кто улицы патрулирует и «с народом» дела имеют – те «мусора». Хотя само слово ещё до революции произошло от аббревиатуры МУС – Московский Уголовный Сыск. Раньше так лишь следователей называли, а теперь обидное «мусор» даже среди самой милиции имеет другое значение. Я и не знал.

Не буду гадать, что да почему... Возьму за аксиому свершившийся факт – я раскрылся перед Лёшей, о чём совершенно не жалею. Он задал мне вопрос, который мне задавали тысячи раз – почему я стал журналистом? – и в этот раз хотел ответить какую-то чушь, а сказал правду...

Вспоминать было ужасно больно.

Я тогда отслужил в армии и собирался в университет поступать на историка. Почему на историка? А мне всё равно было куда. Многие поступали в ВУЗы, я и последовал за

большинством. Молодой же, дурак-дураком.

В ту пору как раз ехал на «День открытых дверей» факультета получить свою дозу пыли в глаза. Но поездка была чистой формальностью, родители давно решили меня по стопам отца отправить, а я и не сопротивлялся.

Добираться было долго. Сначала – на метро, затем – на автобусе. Я стоял у окна, как обычно в полудрёме ковыряясь в своих мыслях. Вдруг, сам не знаю почему, я «проснулся» – стал вглядываться в лица людей, стараться понять, где я еду и когда уже моя остановка. Тогда-то моё внимание и привлек разговор двух мальчишек.

Они стояли позади меня и очень громко разговаривали, хотя всего минуту назад я ни звука не слышал.

– Ого... где взял? – говорил один голос. Я пока не оборачивался и не мог видеть, кто говорит, но голос принадлежал подростку.

– Где взял, там уже нет, – довольный произведённым эффектом, ответил более грубый голос.

– Она, наверное, бешеных денег стоит?

– Ещё бы! Да и если деньги есть, не каждый найти сможет... Редкость, как-никак!

Тогда я не выдержал и осторожно, как можно более незаметно, обернулся. Два пацанёнка, лет по 13—14, стояли, склонив головы над виниловой пластинкой.

– Дашь послушать? – без особой надежды спросил полный румяный паренёк. – Всего на денёк.

– Да, конечно, бери, – легко согласился другой, маленький, щуплый очкарик с совершенно неподходящим ему грубым голосом.

– Что, правда что ли, можно? – не поверил тот своему счастью.

– Правда, правда, – причём это не было великодушием. Малец на самом деле просто решил отдать другу дорогую вещь.

– А родители ругаться не будут? – казалось, полноватый отговаривал щуплого от необдуманного поступка.

– Они в курсе.

– Спасибо большое! Я тебе тогда в четверг отдам, хорошо?

– Хоть в пятницу. Мне всё равно её пока слушать негде...

На этом я снова «уснул» и дальше уже не слушал. Помню только, подумал, что я бы даже лучшему другу зажал столь ценную вещь. Но очкарик, видимо, был не из жадных.

Я благополучно забыл о подслушанном разговоре до пятницы.

В пятницу весь город поразила весть о жестоком убийстве подростка одноклассником из-за какой-то редкой «буржуйской» пластинки. Пухлику, не желающему отдавать собственность обратно, очкарик размоzzжил голову восьмикилограммовой гантелей. Я не мог знать наверняка – они это или нет – такое в газетах не печатали в те времена. Слухи также не упоминали о внешности ребят. Но всё равно я знал, что это были именно они.

После того случая я больше никогда «не засыпал», внимательно наблюдая за всем, что происходит вокруг меня. Люди в транспорте и на улице, бушующий город, неподвластная природа – всё это стало ощущаться совсем по-другому – одной большой декорацией (лица и тела людей – это всего лишь хорошо сделанные маски и костюмы; городские пейзажи – фанерные обманки; закаты и рассветы – поблагодарите осветителя). Мне казалось, что под верхним слоем всегда находится ещё один – настоящий, скрытый от глаз... И я хотел его увидеть своими глазами, чтобы, наконец, ответить на вопрос, который был «вытатуирован» под веками моих глаз и который мне приходилось видеть каждый раз, когда закрываю глаза: «ПОЧЕМУ?!»

Тогда такой науки, как психология, толком-то и не существовало. Поэтому единственный способ ответить, который я нашёл – стать журналистом. По крайней мере, мне так казалось.

Когда я замолчал, Лёша лишь спросил, буду ли я здесь в следующую субботу. Я ответил, что прихожу сюда каждую неделю. Тогда он встал, простился и ушёл, так и не сказав, что он по этому поводу думает. За что я ему очень благодарен.

В следующую субботу он попросил продолжить рассказ о прошлых событиях.

– Понимаешь, Лёша, – говорил я, как обычно, развалив-

шись на сидениях. — В журналистике всегда соблюдались определённые каноны: как писать, о чём, сколько... То есть контролировалось буквально каждое слово. Я, конечно же, имею в виду времена Союза. Безумная, безжалостная цензура выискивала в каждом слове скрытый смысл и подтекст. Писать можно было только о прекрасной стране во главе с ещё более прекрасной партией или об ужасном Западе — одно из двух. Тот, кто не следовал этим правилам, не мог оставаться журналистом! А меня не интересовала вся эта политика, отношения между странами, власть — в этом не было ответа на мой вопрос. Он был в судьбах людей. И об этом, именно о простых судьбах — о проявлениях настоящего, того, что внутри, а не напоказ, и стал я писать. Нет, не о героизме... не знаю, как объяснить — почитай мои статьи, тогда все поймёшь.

— Я почти все их читал.

— Тем легче. Тогда ты в курсе, насколько я выходил за рамки журналистики тех лет. Представляешь, а меня печатали! Печатали много, охотно и с удовольствием. Когда написал свою первую профессиональную статью, я думал, мало того, что меня не пропустят, так ещё и упекут за антисоветчину.

Вопреки ожиданиям, статью опубликовали. Как по мановению волшебной палочки, читатели завалили редакцию доброжелательными отзывами. Тогда мне, представляешь, молодому зелёному студенту третьего курса журфака доверили вести колонку, малюсенькую, в одном из центральных

еженедельников. Но это было только начало! Весь путь пересказывать не стану. Я ведь о другом хотел тебе рассказать...

Разговор на прошлой неделе, после которого ты сбежал... Не отпирайся. Ведь сбежал! В общем, я не только из-за тех пацанят стал журналистом. Ты говорил, что восхищаешься моей смелостью. Как ты выразился: «И в огонь, и в воду, и под пули». Так вот, выбрал я столь непостоянную и зачастую опасную профессию, где в погоне за сенсацией порой приходится проявлять смелость и даже безрассудство, только лишь потому, что я – трус.

Моё лицо и тело – такая же маска, поверхностный слой, под которым сокрыто множество комплексов. Я ничем не лучше других. Понимаешь, детство даёт о себе знать: хоть я и был маленький, но те два года в приюте помню чётко. Уже тогда никто толком не знал мой возраст – выгляжу на четыре, развитие шестилетки.

Я попал в Дом ребёнка... (Правда, совершенно не помню, откуда, будто моя жизнь начинается у этих казённых стен...) Попал в детский дом, в мир, где главным законом всегда останется «выживает сильнейший». С первых дней я это почувствовал. И ладно бы, зацепиться хоть за что-нибудь мог, там... по маме скучал или, как другие, по дому... но этого не было. Будто выбросили меня абсолютно голого, пустого в бурный океан – болтайся, выживай, как хочешь. И вся эта мелочная человеческая грязь кругом, наказание повседневностью, выращивание из маленьких людей никчёмных

взрослых, хронических неудачников. И когда меня усыновили, часть этой мерзости всё равно осталась, навечно въевшись в кожу.

Я попал в семью, где жили совсем по другим правилам: меня учили добру, любви и вере в человека, одновременно боготворя меня. Представляешь, какая это разница? Переход от мира ненависти в мир любви оказался жестокой штукой. У меня в мозгу что-то перегорело, какой-то чип, и я оказался совершенно неспособен бороться с тёмным обличем жизни. А вдобавок бешеная любовь родителей, одним словом, окончательно добила. Я боялся боли и страданий больше всего. Ну скажи, как мне тогда было научиться жить за пределами карамельного домика, с такой заботой выстроенного моей семьёй? Жизнь, в свою очередь, постоянно давала мне понять, что, если я не научусь защищать себя – будет плохо. Проблемы сыпались одни за другими, а я совершенно не умел с ними справляться, беспомощно барахтаясь под любым натиском. Единственным верным решением на тот момент было податься в «воспеватели правды», чтобы научиться терпеть и боль, и страдания. Чего удивляешься? Тут мозгов даже особых не нужно было, чтобы понять: если так и дальше будет продолжаться, малейшее дуновение ветра переломит меня пополам. Вот я и рассудил, что уж лучше осознанно искать неприятности и учиться выбираться из них, чем ждать, пока нежданно-негаданно шлёпнется сверху какая-нибудь гадость... И что тогда? Останется только моз-

ги по асфальту собирать.

– Судя по вашей философии, Андрей Иванович, – медленно, внятно и слегка недоверчиво начал Лёша, – я должен был на физика идти учиться.

– Почему на физика? Это тут причём? – удивился я.

– Потому что я никогда толком считать не умел и формулы плохо запоминаю... Вы же пошли в совершенно неподходящую область. Вот и получается, что я тоже должен был выбрать самый трудный путь. Не понимаю...

Я ненадолго задумался. Несмотря на то, что мое основное оружие – умение обращаться со словом, мне порой бывает трудно найти точное выражение. Вот я и размышлял, как бы доходчивее донести до Лёши свою мысль.

– Ты должен был бы стать физиком только в том случае, если бы чувствовал себя в этом ущемленным.

– То есть?

– Ну, смотри. Я, например, тоже с цифрами совершенно не дружу. Хотя следовало бы... Но не чувствую никакого дискомфорта потому, что не обладаю знаниями и навыками счетовода. А вот то, что у меня напрочь отсутствует слух и я с тоской смотрю на пляску пальцев по клавишам рояля, говорит о многом. Я говорю не о том, что нужно учить ненужные науки и развивать неподходящие человеку черты. Нет! Там, где пусто – ничего нет и искать не нужно.

– Вы имеете в виду преодоление страхов?

– Ну... и да, и нет. Мне кажется, любому писателю легче все-

го изъясняться образами. Так вот, мне представляется, что мы изнутри, в душе, похожи на шкафы.

– Шкафы?

– Да. С полками, на которых книжки всякие хранятся, вазы, статуэтки и фотографии. Человек с рождения не чистый лист, а пустой шкаф...

– Забавно звучит, – улыбнулся приятель.

– И выглядит так же. До нашего рождения все полки в шкафах были заполнены, а когда мы появились на свет, они опустели. Наша задача – максимально заполнить их в течение жизни. И не забить лишь бы чем, а чтобы всё было именно так, как и было. Если на полку, предназначенную для твоей фотографии с семьёй, ты гордо водружаешь учебник физики, то, что бы ты ни делал, как бы ни закрывал глаза, ощущение, что должно быть не так, не покинет тебя на протяжении всей жизни. Вот в чём дело! Ты, как и любой из людей, прекрасно чувствуешь, чего именно тебе не хватает. Стоит только следовать этому зову души – и окажешься там, где должен. И не потребуется взирать на успешных людей с тоской и завистью, называя их счастливыми и баловнями судьбы. Мой секрет успеха прост – постоянно следуй зову души, как бы не было страшно. Всего и делов! Теперь понял, почему я журналистику выбрал?

– Кажется, да, – кивнул Лёша.

– Ну, вот и славно... – зевнул я.

С Лёшей мы познакомились на вокзале. Ничего удивительного. Ведь именно это место почти всегда становится для меня точкой соприкосновения со внешним миром.

Я, как обычно в субботу, вошёл в здание вокзала, поднялся на второй этаж, на своё место под видеокамерой. Расстегнул куртку, снял шапку, положил рядом сумку, выключил плеер. Тогда ко мне и подошли двое ребят в форме.

– Старший лейтенант, Дмитрий «Какой-то-там» – сурово представился старший по званию. – Что Вы тут делаете?

«Вот и заприметили», – подумал я. Рано или поздно, но это должно было случиться.

– Сижу, за людьми наблюдаю, – глупо улыбаясь, полушутливо ответил я.

Милиционеру Дмитрию явно не понравилось, что его не воспринимают всерьёз. Голос стал ещё напряженнее и грубее.

– Я вижу, что Вы именно просто сидите и наблюдаете за людьми безо всякой цели. Вы кого-нибудь встречаете или провожаете?

– Нет, – честно признался я. Если бы соврал, они могли бы спросить номер поезда и тогда стало бы ещё хуже.

– Тогда зачем Вы здесь?! – уже совсем угрожающе спросил лейтенант. Второй милиционер выглядывал из-за спины старшего, вообще чувствуя себя лишним, словно случайный свидетель семейной ссоры.

– Кофе попить. Очень люблю мокаччино из автомата. А

такой, как в этом, — я кивнул в сторону стоящего неподалеку короба, — нигде не попьёшь. Вкус особенный.

Мент отступил от меня на два шага.

— Пройдёмте с нами, — приказал он.

Я тяжело вздохнул.

— Прошу меня извинить. Часто мои шутки неуместны. И, хуже того, совершенно не ко времени.

После моих слов лейтенант немного расслабился, и снова подошел ближе, нависнув надо мной серым камнем.

— Итак? — выжидающе протянул он.

— Я журналист... писатель. Вокзал меня вдохновляет, вот и всё.

Для пущей убедительности залез в сумку и вытащил удостоверение журналиста-международника. Милиционер внимательно изучил мой документ, который для меня надёжнее паспорта. Пробубнив мои данные в рацию и получив из неё «добро», он отдал мне документ, козырнул, и мы расстались.

Потом я неоднократно замечал, что второй патрульный, который за всё время «столкновения» не проронил ни слова, в процессе обхода постоянно на меня пялился. Наверное, он-то и отпугнул от меня вдохновение, ради которого я пришёл на вокзал. Пришлось обойтись кофе и книжкой. В тот день я ушёл ни с чем.

Ровно через неделю, сидя на том же месте, в момент, когда я делал в блокноте пометки, надо мной возникла тень. Подняв глаза, я обнаружил того второго паренька, что был

с лейтенантом. Назвать его ментом язык не поворачивается. Потому что ещё в прошлый раз у меня возникло ощущение, будто совершенно случайного человека, например, учителя начальных классов, переодели в форму и заставили бродить по вокзалу в поисках нарушителей. Не был он похож на представителя правоохранительных органов.

– Андрей Иванович, можно к Вам присесть? – вежливо спросил паренёк, одетый в чёрный спортивный костюм. Сейчас он больше походил на воспитанного хулигана.

– Да, конечно, садитесь. Я переложил сумку на другой край, чтобы освободить сидение. Парень присел.

– Меня Алексей зовут... Лёша.

– Очень приятно, – мне совершенно было непонятна цель его появления. – Чем могу быть полезен?

Он замялся, не зная, как начать:

– Я хотел просто с Вами пообщаться.

– Пообщаться?! – удивился я.

– Ну... дело в том, что мой отец, царство ему небесное, рьяно следил за Вашей карьерой. Все журналы скупал с Вашими статьями и очень уважал Ваше мнение. Если бы он узнал, что Вы сейчас в нашем городе, совершенно непонятно, каким образом оказались...

– Из-за вокзала, – пояснил я.

– Что?

– Говорю, я в вашем городе поселился исключительно из-за вокзала.

– А что с вокзалом не так? – он все силился понять меня.

– Наоборот, очень даже так. Не поверишь, но я полстраны объездил, пока не нашел подходящий вокзал.

– Зачем? – недоумевал мой новый знакомый.

– Как зачем?! Чтобы статьи писать, конечно. У меня после развода в душе кое-где брешь образовалась... так сказать, некоторые полки опустели...

– Полки? – уточнил Леша.

– Потом как-нибудь объясню. И вот из-за этой пустоты внутри я не мог работать. И чтобы суметь дальше творить, создавать свои статьи, мне нужно было эти пустоты чем-то заполнить... Временно, само собой. Пока не зарастут. Мне для вдохновения особое место нужно – энергетически активное. У каждого оно своё. У меня это вокзал. Причем именно этот вокзал. Понимаешь?

– Нет...

Я тяжело вздохнул.

– Чтобы понять, ты должен хоть что-нибудь написать.

– Что написать?

– Ай, всё равно... Главное, чтобы с душой, от себя! Письмо, рассказ, историю, воспоминание – что угодно. Это, конечно, если хочешь понять про мой особый вокзал.

– Хочу.

– Тогда напиши что-нибудь и принеси, – предложил я.

– Хорошо. Можно ещё вопрос?

– Конечно.

– Мой отец всегда спросить у Вас хотел... Про Вашу биографию почти ничего не известно. Ему интересно было, каким образом Вы в журналистике оказались? Он говорил, что Ваши статьи ни на чьи не похожи из всей пишущей братии. Папа говорил, что у Вас даже не то чтобы стиль особенный, а, скорее, душа между строками хранится!

Тогда я ему и рассказал о том случае.

– Теперь понял, почему я журналистику выбрал?

– Кажется, да, – кивнул Лёша.

– Ну вот и славно, – зевнул я.

Он замолчал, о чём-то задумавшись, а я не мешал ему размышлять. Может, что полезное для себя надумает.

– Вы это... мне в прошлый раз сказали написать что-нибудь, если хочу про вдохновение понять, – он полез в карман, достав оттуда сложенный вчетверо листок. Вот!

Леша протянул мне своё сочинение, совсем по-детски, словно в школе учителю на проверку. Я взял его листы и положил их на соседнее сидение, рядом с сумкой.

– Вы не будете читать? – недоумённо спросил Лёша.

– Нет, зачем?! Мне твой опыт нужен, а не текст. Написав что-то, ты теперь знаешь, как это делается, и сможешь сам больше понять.

Он все ещё смотрел на меня непонимающе. Не знаю, что у него происходило в голове, но внешне это выглядело так, словно каждая мысль даётся ему с большим трудом.

– Когда писал, что самое сложное было?

– Самое сложное? – повторил он, пытаясь вспомнить. – Самое сложное? Мне вообще эти два листа с огромным трудом дались. Но труднее всего – правильно выразить на бумаге то, что в голове.

– В самую суть! – обрадовался я точности его слов. – Правда, рой мыслей в голове абсолютно отличается от того, что в результате записано?

Он кивнул.

– Основной сложностью, по крайней мере, для меня, всегда оставалась и останется то, как так выразить свои ощущения, чтобы другие поняли тебя правильно?

– И? – поторопил он меня.

– А что «и»?! Смотри по сторонам, ничего не делай, старайся не думать... и ты поймёшь, зачем я прихожу на вокзал.

После этих слов я совершенно привычно приложился головой к холодной стене «под мрамор» и начал смотреть... Лёша, последовав моему примеру, сделал так же.

...Сначала мне скучно. Я сижу, просто глядя перед собой. По привычке моему телу и мозгам хочется себя чем-нибудь занять, увлечься или уснуть, но я подавляю любые желания и выметаю из головы любые мысли. Это тяжело, но я упорно продолжаю просто смотреть перед собой – не оценивать окружающих, не стараться что-то понять или уловить – а именно просто наблюдать. Я – наблюдатель.

Спустя полчаса такого вот бездействия я начинаю ВИ-

ДЕТЬ зал ожидания. Место, где удивительно смешаны спокойная леность и неожиданная спешка. В этом месте люди пребывают как бы в пограничном состоянии – им не надо здесь быть «кем-то», здесь единственная задача – ждать, чтобы потом спешить. И весь этот муравейник, то заполненный до предела, то полупустой, – вдруг распадается на составляющие – нет больше единого вокзала. Объявления о прибытии и отправлении, дрожь стен от проползающих мимо титанов, запах мазута, такие разные и одновременно одинаковые люди – все это становится самостоятельной, отдельной сущностью. Они разделяются, отдаляются друг от друга, а между ними – лишь пустота... вот эта пустота и нужна мне. Я закрываю глаза и впитываю её, поглощаю – мое вдохновение на целую неделю. Улавливаю каждый шорох, запах, звук. Я наполняюсь кипящей, сокрытой в движении жизнью, чтобы создать что-то своё, чтобы написать ещё одну историю о настоящем человеческом.

– А почему вокзал именно в нашем городе? – продолжил Лёша свои расспросы, согреваясь тёплым мокачино из автомата. – Вы сказали, что полстраны объездили в его поисках. Чем вам другие не угодили?

Я отхлебнул из пластикового стаканчика и стал объяснять:

– Хорошее вино любишь?

Лёша хмыкнул:

– Так себе. Я больше по пиву.

– Ты просто хорошего вина не пробовал. Точно бы оценил. Ну да ладно. Ты знаешь, чтобы сделать хорошее вино, нужны определённые климатические условия: воздух, влажность, температура, плюс особый состав почвы? Причём для каждого сорта винограда он должен быть свой.

В определенных условиях и плоды созревают определённые, даже у одного и того же сорта. Вот почему одна бутылка вина стоит десять долларов, а другая – триста десять.

– Ого! – свистнул Лёша. – Ничего себе разница!

– Эта разница в триста зеленых – именно цена места, где созрели плоды.

Леша улыбнулся:

– Кажется, я понял аналогию.

– Вот и славно. На Казанском слишком шумно и грязно, в Самаре мне не нравится внутреннее убранство. А здесь – самое то! Вот почувствуй...

Я замолчал и стал наслаждаться характером местного вокзала – здание тряслось и рычало, вселяя восхищение и страх перед очередным многотонным гигантом, прямо сейчас отправляющимся в дальний путь.

– Нигде больше так здание не поддаётся встряске. Сидишь здесь и чувствуешь поезда всем телом. Сам не знаю, почему я с самого детства люблю поезда и вокзалы.

– Стоит всего здесь часок посидеть – и будешь обеспечен материалом для любой истории на неделю вперед, – делился

я опытом с Лёшей, когда мы уже шли к остановке. Как выяснилось, он жил в другом конце города, но садиться нам нужно было вместе. – Представляешь, сколько здесь характеров, образов, эмоций и настроений? Любого из своих героев легко можно наполнить любыми чертами.

– А истории тоже здесь взять можно?

– О чём писать? Сюжет ты имеешь в виду? – уточнил я.

– Да...

– Хм... можно, конечно, здесь. Хотя вокзал – это не совсем подходящее место. Если тебе нужны истории – садись в поезд и двигайся, куда глаза глядят.

– Почему поезд?

– Потому что ближе и надежнее случайного попутчика ты никого не найдешь. Люди открываются, только дай повод. Дорожные байки самые правдивые, настоящие. Судьбы людские под стук колёс и стопку выкладываются на столик, между курицей, вареной картошкой и солью в спичечном коробке. Я, когда раньше истории для статей искал, так и делал – садился в поезд и...

– А сейчас?

– А сейчас мне это уже не надо. Истории сами меня находят.

Как это ни удивительно звучит, но я прославился статьями, в которых напрочь отсутствует моё и чьё бы то ни было мнение. «Как такое возможно?» —спрашиваю я себя до сих

пор. В мире журналистики каждый пытается заработать себе побольше авторитета именно ради того, чтобы мнение его среди людей имело свой вес. У нас ведь как – чем весомее человек, тем больше ему за слова платят.

Но я, с самого начала начав писать обзоры, понял, что суждения и выводы мне самому мешают «зреть в корень» и «отделять зерна истины от плевел».

Как-то раз (кажется, тогда я был на втором курсе) я впервые выполнил задание в той самой манере, которой остаюсь верен до сих пор. Просто описал событие, пропустив через себя, и выплеснул на бумагу не в виде общепринятой безжизненной официальщины – «Гражданин Н. в ночь на 12-е августа сего года, в районе Китай-города», – а с чувствами непосредственного свидетеля событий. Хотя, конечно, о криминале я никогда не писал. Людям важны только они сами, что вполне нормально. А свои статьи я всегда пытался писать непредвзято, чтобы каждый смог увидеть себя и самостоятельно выстроить собственное мнение.

А иначе для чего мне нужны все эти «подзарядки» и ощущения, за которыми я охочусь на вокзале? Туда я прихожу уже с готовой историей, о которой собираюсь писать. Иногда с несколькими. На этом этапе я имею общую информацию о происшествии. Если его записать именно в таком виде, то получится та самая безэмоциональная ерунда, в которой не изъясняются, а плюются в казённых учреждениях. Её нужно зарядить жизнью, пропустить через душу. А как я это мо-

гу сделать, как могу искренне написать, например, о чужой трагедии, если сам её не пережил? Вокзал и нужен, чтобы соприкоснуться с проявлением человеческого.

В момент, когда время и пространство расщепляется передо мной, я начинаю думать о той истории, которую мне предстоит поведать людям. И происходит удивительная вещь: из огромного хаотичного потока разных ощущений выделяются отдельные составные, которые, соединяясь, позволяют мне стать соучастником этих событий. Это больше всего похоже на разбросанные по полу кусочки мозаики из отдельных голосов, шорохов, запахов, цветов и предметов. Некоторые из них выделяются схожестью форм. В моём воображении они соединяются воедино и получается, например, образ человека. Вот на что это похоже.

Такое вот странное действо помогает мне по-настоящему пережить и прекрасные, и ужасные моменты. Побочных эффектов всегда два. Слезы – отчего люди обходят стороной мужчину с застывшим взглядом и реками из глаз. Второй минус – это кошмары. Когда по субботам хожу на «зарядку» к поездам, толком выспаться не получается. Зато уже к вечеру понедельника, иногда вторника, очередная статья полностью готова. Очередная и единственная в своем роде.

Ещё толком не отойдя после «видений», я сразу делаю пометки в блокнот. Скажем так: записываю порядок составления мозаики, где какой кусочек должен находиться. Пью кофе. И затем неспешно отправляюсь домой. Впереди ждёт

кропотливая работа.

В своей съемной квартире я запасаясь стопкой идеально белых листов. Беру любимую перьевую ручку, всю облупленную от частого использования. Кладу перед собой блокнот с пометками. Включаю заранее подготовленный трек-лист... И начинается магия...

Мне достаточно лишь перечитать заметки, как всё увиденное в зале ожидания заново оживает, наполняя комнату вокруг меня яркими образами. Даже ещё отчетливее, чем прежде, я слышу разговоры людей до и во время происшествия. Вижу эмоции на их лицах. Ощущаю жару солнечных лучей или уколы морозного воздуха. Бывает, что дождь касается моей кожи. Я вижу, как матери пытаются вымолить жизнь своих детей, баюкая их опустевшие тела. Вижу, каким ужасом пронзён плач стариков, вдруг осознавших, что именно они виноваты в воспитании не людей, а чудовищ. Прямо передо мной взрослый мужчина с верёвкой на шее может решать – бороться и постараться победить, или сдаться, навсегда лишив себя покоя...

Сколько человеческих судеб, столько и трагедий и минут счастья проходит сквозь меня! Ведь человек – это не только страдание. Создание новой жизни, преодоление страха, достижение мечты, наслаждение спокойствием – всё это тоже часть бытия.

Я пишу без усталости и пищи, не позволяя себе отвлекать-

ся. В эти дни я схожу с ума. Выбившись из сил, я засыпаю измождённым, изъеденным кошмарами. Просыпаюсь, чтобы вновь взяться за ручку на долгие часы, пролетающие секундами. И так – пока не иссякну.

Когда поставлена финальная точка, окружённый разбросанными листами бумаги, я падаю замертво на пол, чтобы там же и уснуть. Через какое-то время, проснувшись, я или перебираюсь на кровать, или иду к холодильнику, заталкиваю в себя пищу, запиваю водой, чтобы потом сразу впасть в спячку.

В общей сложности, я сплю от двух до трёх суток, иду в душ, пробегаю мимо зеркала с закрытыми глазами. Очень долго отмокаю, затем бреюсь – и потихоньку начинаю походить на себя, сильного, гордого, молодого (в душе).

Удивительно, как я в таком нещадном для тела ритме умудряюсь, мало того, что чувствовать себя, но и выглядеть неплохо. Однако жена всё равно от меня ушла, и теперь я думаю, любому понятно, почему она так поступила.

После составления черновика наступает следующий этап. От двенадцати до двадцати четырех часов у меня уходит на то, чтобы из этого моря записей составить что-то более-менее похожее на осмысленный текст. Сначала я перечитываю черновики и помечаю наиболее ценное. Всё выделенное я переношу на компьютер и формирую основу статьи. И уже заключительный шаг – шлифовка слога.

Вот это уже можно отсылать редактору. Захожу на e-мейл,

где вечно толкаются предложения о публикации различных изданий. Всегда выбираю наугад. Буквально ткнув пальцем в монитор ноутбука. Платят везде приблизительно одинаково хорошо. Плюс основной доход от перевода. Любую мою статью переводят сразу после выхода в первом издании. Кажется, её прочитают около шестидесяти стран. В субботу утром я разбираю материал с присланными историями, выбирая ту, что мне больше подходит. Ту, что смогла меня чем-нибудь зацепить.

А ближе к вечеру вновь отправляюсь на вокзал за новой дозой вдохновения.

В нашу очередную, ставшей традиционной, встречу, Лёша попросил показать ему какой-нибудь из моих черновиков.

– Зачем? – удивился я.

Он был в форме – как раз на эту субботу пришлось его дежурство, и вместо обеда он сейчас сидел со мной.

– Мне кажется, должно быть, любопытно почитать Ваши истории в развёрнутом виде?

– В «развёрнутом»? – мне было непонятна его формулировка.

– Ну, до читателя обычно доходит самое основное, то, что Вы изо всего написанного оставляете. Сколько обычно листов Вы исписываете? Десять? Двадцать?

– По-разному бывает, – задумался я, силясь вспомнить. – Но иногда больше полусотни получается.

– Ого! – восхитился Леша. – Это ж целые рассказы! Сколько же там интересного, должно быть! Их, наверное, как отдельные сборники рассказов и повестей издавать можно. Я бы обязательно купил! – уверил он.

– Никогда об этом не думал. Но, если хочешь почитать, подберу для тебя какую-нибудь из записей.

– Очень хочу! Мне на самом деле интересно, на что они в оригинале похожи. Я, как и все Ваши читатели, вижу три-четыре процента из написанного. Ваши истории полны настоящих переживаний, на которые только способен Человек. И на нескольких страницах журнала со статьёй хранятся эти самые переживания «высокой плотности». Они сгущены до предела. В каждой строчке – часть жизни. Поэтому, читая их, можно захлёбываться слезами и уже через мгновение смеяться истерическим хохотом... Вы пишете истории несколько дней практически без остановок, а на его чтение в журнале уходит не более пятнадцати минут...

– Что-нибудь подберу... – ещё раз повторил я, как всегда, от похвалы чувствуя себя неуютно.

В тот же вечер, перед тем, как с головой уйти в писательский запой, решил покопаться в архиве черновиков и выбрать пару записей для Лёши. У меня их было не так много – только то, что написал здесь. Не буду же я, переезжая, таскать с собой все эти стопки исписанных листов. Дома, в своём родном городе, я храню записи в специальной комнате, благо места хватает. А в этой квартире всё умещается на

двух полках книжного шкафа.

За полгода моего пребывания здесь у меня накопилось двадцать две статьи. Сегодня сяду за двадцать третью.

Все черновики были аккуратно разобраны по папкам. Отобрав девять более-менее подходящих, я решил их просмотреть, предварительно заварив кофе и насыпав в блюдце печенья. Каких-то особых критериев, по которым запись должна подойти для чтения Лёшей, у меня не было. Наверное, мне просто должно захотеться, чтобы он её прочёл. Почему-то для меня было важно, чтобы он оценил работу целиком. Меня заинтересовала его идея с публикацией историй в виде полноценных рассказов. Почему-то до него ни мне самому, ни окружающим меня людям такое в голову не приходило.

До этого мне ни разу не приходилось заниматься ими после завершения работы над статьёй: не возникало надобности. По сути, черновики мне были ни к чему, но выкинуть не разрешала жена. Так и приучила бессмысленно складировать, отяжеляя жизнь дополнительным грузом прошлого.

Макая печенье в кофе и с аппетитом уплетая получившуюся «кашицу», я пробегал глазами по чернильным закорючкам. Мой почерк, аккуратный, ровный в обычной жизни, на этих листах был таким, будто и не я писал вовсе. Потому что, честно говоря, когда до краев наполнен образами, не до красоты – успеть бы всё записать. Но всё было не так плохо, как я думал. Лёша, скорее всего, вполне сможет понять текст.

Из минусов – полное несоблюдение знаков препинания, уйма орфографических ошибок, да ещё, вдобавок, у некоторых слов «проглочены» буквы. В спешке я не слежу за тем, КАК пишу, главное – ЧТО... При работе с чернилами главное – обозначить общий смысл. А недочёты... Можно и не замечать. Ну да ладно, я же не думал, что эти записи вообще кто-то будет читать.

Где-то через час работы я остановился на папке с надписью «Тёплые воды любви». Из всего, чем я располагал, именно эта история в тридцать с лишним страниц показалась наиболее достойной внимания. Облегченно вздохнув, я стал раскладывать на полу чистые листы...

Среда. Около полуночи. Я выхожу из душа, побритый и свежий. В комнате «творческий беспорядок». Ступать приходится аккуратно, чтобы не помять разложенные на полу листы. Почти весь ковер завален только что рожденными записями. Я их никогда не складываю в стопку, потому что на листах часто встречаются пометки и удобнее видеть перед собой сразу все страницы. Начинается этап отсеивания лишнего.

Через какое-то время я вдруг замечаю, что, помимо своей воли, неосознанно обращаю внимание на допущенные в тексте ошибки. К моему удовольствию, запятые, точки и тире стоят там, где им, по моему разумению, и положено находиться. Ни одной буквы в словах не «проглочено». Орфо-

графия вполне сносная. Что, не скрою, меня очень обрадовало. Значит, не такой уж я и безграмотный. А то стыдно с моим опытом так писать...

После недолгих раздумий решаю поделиться с Лёшей новой статьей. Уверен, он оценит.

– Андрей Иванович, вы серьёзно?! – не верит он своим глазам. – Это статья, которая вот только-только... ещё свет не видела... и не читал никто?

– Ну почему никто – редактор журнала уже получил образец, – немного смутился я, не готовый к такому восторгу. – Завтра с утра она выйдет в «Роулинг Стоун».

– Здорово! – выдыхает он. – И это тот самый черновик, из которого статья получилась.

Я сдержанно киваю.

– Круто! Вы уверены, что он вам не понадобится ближайшую неделю?

– Уверен. И даже ближайший месяц. Читай спокойно, если конечно, в почерке моём сможешь разобраться.

Лёша аккуратно, словно держит в руках хрупкую драгоценность или древний текст, готовый в любой момент рассыпаться в пыль, открывает папку, начиная бегать взглядом по строкам.

– Всё отчетливо и понятно, – уверяет Лёша и на какое-то время погружается в описанную мной историю. Я сижу тихо рядом, наслаждаясь витающей в стенах вокзала жизнью.

– Не поверишь, но я решил дать тебе последнюю запись, потому что в других – столько ошибок, что их читать невозможно. Будто я не журналист, а второклашка какой-то. Стыд и срам, – честно признаюсь я.

– Да что вы, Андрей Иванович... Для меня это не имеет значения. Мне ж главное – суть! Я читаю сейчас, и мне ваши ошибки совершенно не мешают.

– Это потому, что их там почти нет.

– И я о том же... – поддакивает Лёша мне. И по тому, как он это делает, я понимаю, что милиционер, который вряд ли блещет знанием русского языка, просто не хочет меня обижать. – Да и вообще, дались вам эти ошибки. Для этого редакторы и корректоры есть – вот пусть и исправляют.

Я посмотрел на Лёшу – он, как и прежде, бегал глазами по страницам.

– Дай-ка гляну... – прошу я его и принимаю без особой охоты отданную мне папку с черновиком.

– Дались вам эти ошибки! – повторяет он тихо и отворачивается, чтобы не мешать мне.

Я изучал свои записи внимательно, слово за словом. Вот мои пометки карандашом – что-то зачёркнуто, что-то втиснуто между строками. Но вот... удивительно! Я чуть не подсакиваю на месте!

– Лёш, извини, но я домой сейчас пойду. И... папку с собой заберу.

Он тяжело вздыхает:

– Ну, Андрей Иванович, что вы так расстраиваетесь?! Это так важно? Вы писатель, а не лингвист!

– Не в этом дело, Лёш. Извини ещё раз, – и ухожу.

Я, сам не пойму зачем, специально оттягиваю момент, когда сяду разбираться в этой ерунде. Иду ставить чайник. Делаю на скорую руку салат из пекинской капусты, крабовых палочек, кукурузы, брынзы и сметаны. Но так и не притрагиваюсь к получившемуся чуду, сложив еду в холодильник. Лишь делаю кофе с молоком и нарезаю на тарелочку оставшийся сыр. Я всегда в еде больше остального любил сочетание сладкого и соленого.

С чашкой и тарелкой захожу в комнату, ставлю их на журнальный столик, сам сажусь в кресло и достаю из тряпичной сумки папку с черновиком последней статьи. Станные, противоречивые чувства борются внутри меня, как бывает каждый раз, когда я соприкасаюсь с опасностью (чем-то, что может изменить мою судьбу до неузнаваемости). Страх, желание бросить дурную затею, закрыв на всё глаза, и предвкушение чего-то нового, интересного, необычного, манящего вперёд, заставляющего плюнуть на инстинкт самосохранения, – и в омут с головой. Если бы я слушал свои страхи, то не пошёл бы в журналистику.

...Спустя всего несколько секунд я уже перелистывал знакомые страницы, внимательно осматривая каждый миллиметр, пробегая взглядом по строкам, силясь найти ответ.

Дело в том, что мой последний черновик, который я успел проверить, и который был выбран только лишь из соображений образцовой орфографии, сейчас ничем не отличался от тех ужасных записей «второклашки», хранящихся в других папках. Я спрашиваю, каким образом, вашу мать, за пару дней мог измениться текст, написанный чернилами?! Это же не компьютер, где можно стирать и перепечатывать сколько угодно раз. Это же, чёрт побери, бумага. Бу-ма-га! Самая обычная. Купленная в «Канцтоварах» неподалеку.

Я сидел в кресле, держась за голову, в которой никак не могло уместиться столь странное поведение текста. «Как?!» Ну, как могут из слов просто исчезать буквы?! И запятые? Я сам помню – вот именно возле этой пометки было все правильно написано. Помню, ещё подумал: «Ого, слово какое сложное – «легкоусваиваемый», а написал правильно! Молодец какой!» А сейчас? Что это за обрубок – «легкоуваивемы»? И ведь точно помню... помню?!

Честно говоря, я вообще ничего не понимал. Сотни раз бывая в сложных, иногда просто безвыходных ситуациях, я выбирался только лишь потому, что продолжал доверять себе, своим ощущениям и мыслям. Но сейчас... память говорит об одном, а вижу я совсем другое. И ведь какого-то более-менее логичного объяснения не придумаешь. Кто-то листы подменил? Когда, если я дома безвылазно сидел?! Да и зачем кому-то это может понадобиться?

Хорошо, но если это те же самые листы, тогда как объяс-

нить исчезновение букв? Ладно, допустим, чернила у моей ручки особенно странные и последние пару букв в некоторых словах просто испаряются. А как объяснить тогда, что посреди слова буква исчезает, и вместо того, чтобы на её месте зияла белёсая пустота, остальные буквы «смещаются» к центру, будто прикрывают побег своей подруги. К чёртовой матери все!

Я понял, что просто «перегреваюсь» – ещё чуть-чуть – и взорвусь, разнеся ни в чём не повинную квартиру в клочья, как это уже не раз бывало. Чтобы сохранить часть нервных клеток, я отправился в душ. Смыть прохладной водой с себя груз. В душе-то я молод, но тело стоит беречь.

Сняв одежду, забрался в холодную и совсем неудобную ванну. Но горячая вода собьёт с меня усталость и напряжение, а прохладная, смывающая мою бледную защиту потоками, приведёт в порядок чувства, взбодрит и вернёт мне рассудок. Здесь моя журналистская душонка окончательно берёт верх, убеждая найти объяснение случившемуся. Доверяй себе – и сможешь выбраться из любой передраги.

Выйдя из душа, возвращаюсь к «станку» – запасаясь чистыми листами и ручкой. Пока не совсем понимаю зачем, но могут пригодиться. Проглотив отвратительный остывший кофе, заев горечь сыром, приступаю.

Сложно что-то искать, когда не знаешь, что именно ищешь.

– Алло?

– Лёша, здравствуй.

– Андрей Иванович? Это вы? – прозвучал его сонный голос.

– Да...

– Что-то случилось?

– И да, и нет... Мы можем увидеться? Сегодня.

Судя по тишине, Лёша задумался.

– Если через час? – наконец, спросил он. – Но у меня будет только сорок минут. Устроит?

– Мне и десяти хватит.

– Тогда на нашем месте?

– Да... – и я кладу трубку.

– Хорошо, что ты мне свой номер оставил. Не думал, правда, что он мне пригодится. Но видишь, как вышло...

Лёша сидел, как обычно, справа от меня, неспешно потягивая кофе. Уже в форме – меньше, чем через час, ему заступать на дежурство. Мой звонок разбудил его, когда он отсыпался перед работой.

– Честно говоря, Вы меня напугали. Слышать Вас посреди недели... К тому же голос у Вас дикий, испуганный какой-то. Что стряслось?

– Действительно, – уже более-менее спокойно кивнул я, – а что такого стряслось?

– Я почему-то думал, что Вы обычно и сами справляетесь со всем.

Я тяжело вздохнул:

– Обычно – справляюсь. Только на этот раз ситуация не совсем обычная. Понимаешь ли, Лёш, ты мне нужен, чтобы со стороны сказать – я нормальный или псих законченный? А то, может, мне уже давно крышу сорвало, а я и не заметил.

– Андрей Иванович, Вы, вообще, о чём? – он смотрел на меня испуганно, совершенно не понимая, что творится в моей голове.

– На... – я протянул Лёше папку, которую он опасливо принял.

– Вы всё из-за тех ошибок переживаете? – недоверчиво спросил он.

Я лишь устало коротко бросил:

– Открой.

Он сделал, как я просил. Достал лежащий сверху лист, под которым находились черновики.

– Что это?

– Прочти. Вслух, если не трудно.

Леша откашлялся и принялся читать выразительно, явно стараясь не обращать внимания на громкое объявление из динамиков.

– «А: Загадка?

Р: Нет, просто указатель. Считается, что на этот вопрос правильно может ответить лишь тот, кому откроет себя Логос.

А: Я слушаю.

Р: Жизнь человека – это такое же пространство, какое создает писатель». – Лёша закончил отрывок, непонимающе посмотрел на меня. – Отрывок из какой-то пьесы? Что за чушь?

– Это не чушь... Это то, на что я потратил около четырех дней.

– Это Вы написали?

– И да, и нет. Помнишь мою реакцию в субботу, когда я на свой черновик глянул?

– Еще бы! – невесело улыбнулся он. – Я до сих пор недоумеваю, неужели ошибки Вам так сильно мешают? Я, конечно, не пример для подражания, но, несмотря на моё неплохое правописание, я бы не расстроился, ошибаясь хоть в каждом слове...

– Слушай, Лёш. Ты что думаешь, для меня правильно написать так важно?

– Ну, я конечно, понимаю, что Вы уже давно не школьник и подобные вещи навряд ли имеют большое значение...

– Короче! – прервал я его рассуждения, которые меня почему-то начали раздражать. – В прошлый раз я так среагировал потому, что на тех листах, что я тебе дал, все было совсем не так, как должно быть.

– Андрей Иванович, я не понимаю, – взмолился Лёша.

– Когда я читал этот черновик, там нём ошибок почти не нашёл и буквы все на своих местах. А спустя несколько дней – несусветное количество ошибок и буквы исчезли. Понима-

ешь?

– Это как?

– Да я-то откуда знаю! Просто рассказываю тебе своё случайное открытие.

– Но такого быть не может, – он посмотрел на листы в папке. – Это же чернилами написано, если не ошибаюсь?

– Не ошибаешься. Но и это еще не всё. Тот отрывок, что ты прочитал, составлен из исчезнувших букв.

– То есть, Вы хотите сказать... – он хмурился, силясь понять, как такое вообще возможно. То же самое делал и я всё это время.

– Я хочу сказать, – перебил его на полуслове, – что мои ошибки ложатся во вполне осмысленный текст, который ты держишь в руках. – От моих слов Лёша опять уткнул взгляд в листок, перечитывая про себя записи. – В них тоже много ошибок, и там тоже... – я полез в сумку за другими листами с «обрывками» непонятного мне текста, но не успел их достать.

– Знаете, что! – Лешка вскочил, как ошпаренный, оставив на сидении и папку, и лист. – Я, конечно, понимаю, Вы любите играть. Все ваши эти штучки... Без меня! Мне на дежурство пора, – и, развернувшись на сто восемьдесят, быстро засеменил к лестнице.

– Сбежал, – расстроено вздохнул я. – Вот и доверяй после этого милиции в трудный момент.

На то, чтобы найти «между строк» этот странный отрывок, у меня ушло около четырех суток. Как я вышел из душа субботним вечером и принялся разгадывать необычное поведение черновика, так в среду утром я наконец-то разгадал закономерность букв.

С самого начала меня не покидало ощущение, что «не все так просто». Само собой исчезновение букв из текста уже не тянет на банальность, но, помимо этого, я чувствовал, будто в самом тексте заложена закономерность, некий смысл, пока недоступный моему пониманию. Жизненная философия любого хорошего... повторяю, **ХОРОШЕГО** журналиста должна опираться на идею, что каждое событие или явление на свете, даже на первый взгляд совершенно случайное, кому-то да выгодно. И если нет существ, которым «это что-то» выгодно явно, значит «заказчик» ещё не найден и нужно продолжить поиски. Моя главная задача – понять суть происходящего. Ну, а дальше будет видно.

Пришлось потратить, наверное, целую тонну бумаги и ещё больше нервов, прежде чем я хоть на шаг приблизился к разгадке тайны моих черновиков. Я пытался восстанавливать исходный текст, затем сравнивал... пытался с помощью различных средств стирать буквы и «передвигать» слова... выводить логику произошедших изменений... и даже несколько раз выписывал отдельно исчезнувшие буквы. Но безрезультатно.

Лишь на утро среды, измученный, раздражённый и уже

готовый проклясть все загадки мира, с сотой чашкой кофе возвышаясь над полом, сплошь покрытым скомканными листами, аккуратно разложенными стопками папок, лежащими по порядку их написания, – я увидел!

Отдельно выписанные на листок «исчезнувшие» буквы местами складывались в слова. Я спешно поставил чашку и начал сравнивать с черновиком. Тогда до меня и дошло, что, если прочитать тексты наоборот, в зеркальном отражении, то получается осмысленный текст!

Быстро справившись с последним черновиком, я принял-ся за предыдущий, а затем – за ещё более ранний – изо всех них складывался вполне логичный диалог!

Я перечитывал и перечитывал полученные слова, не веря своим глазам и наслаждаясь маленькой победой. Когда ощущение бездумной радости исчезло, я попытался вникнуть в смысл текста, но так ничего и не понял – больше всего написанное походило на какой-то сценарий или пьесу. Из диалога что-либо понять было невозможно.

Когда передо мной лежало три отрывка, полученных из трёх моих черновиков, не имея больше сил справляться с непонятным, сверхъестественным явлением самостоятельно, я набрал телефон, оставленный Лёшей.

Когда он сбегал от моей «игры», как сам её называл, я чувствовал себя абсолютно, идеально одиноким человеком, волею судьбы заброшенным на край Вселенной. Мне некому было пожаловаться, спросить совета или просто попросить

помощи.

– Я один... совсем, совсем один! – напевал я знакомую песню.

Так или иначе, сил думать о творящихся кругом чудесах у меня уже не было. Мне хотелось переключиться на что-то другое. Тогда я решил заняться единственным, что могло всецело увлечь меня – очередной историей для журнала. А то со всеми этими странностями – середина недели, а ничего ещё не готово.

О чём писать, я уже знал. Давно задуманная идея статьи затрагивала негативные стороны благотворительности. Все считают помощь ближнему добродетелью, не подлежащей критике. У меня же за пазухой находился материал, полностью опровергающий эту установку. История человека, купающегося в халявных благах общественно одобренных подачек, и от этого ставшего настоящим моральным и физическим монстром.

Папку и листы я небрежно сунул в сумку и прислонился головой к стене, дожидаясь, когда пространство вокзала начнет «расщепляться». Но этого так и не произошло. То ли усталость, то ли мысли о предшествующих событиях, то ли ощущение тупика никак не давали мне отрешиться от всех мыслей, заставляя всё время возвращаться к событиям последних дней.

Просидев в терзаниях и муках без малого час, так ничего и не получив, плюнул на всё и отправился домой.

Уже на подходе к подъезду меня осенило: а что, если написать статью обо всём, что со мной сейчас происходит? Я смогу дописывать её постепенно, по мере приближения к разгадке. Так даже и лучше – не нужны дополнительные ухищрения, чтобы почувствовать себя на месте другого. К тому же в процессе написания я смогу увидеть дополнительные детали, которые наверняка упустил, посмотреть на происходящее под другим углом, что, несомненно, оставит меня в выигрыше.

Я мчался по ступеням лестницы вверх, скорее в дом, чтобы взять в руки «перо» и лист и поскорей приступить к истории, главным героем которой впервые буду я сам.

На часах длинная тощая стрелка сравнялась с маленькой на восьмёрке. Вид за окном говорил о том, что для всех наступил вечер. На мобильном календаре значится суббота. Так бывает каждый раз, когда приступаю к работе – я будто перестаю существовать, запираюсь в четырёх стенах, мое сознание становится единым целым с белыми листами, выплескивая на них себя. Когда часть работы завершена, я будто пробуждаюсь, вспоминаю что «я есть», я существо из плоти и крови. В тот самый момент, когда у меня вновь «появляется» тело, живот может скрутить от дикого голода, а мочевой пузырь готов взорваться. Именно поэтому я всегда был отвратительным мужем. Но, даже захоти я что-то изменить, смог бы навряд ли.

Ладно... пора возвращаться к загадке. Что я имею на данный момент?

Подробное описание произошедших событий действительно, как я и рассчитывал, помогло мне наконец-то поверить в реальность происходящего (О, Боже, это происходит на самом деле!) и понять направление дальнейших действий. До этого я думал, что, столкнувшись с неведомым явлением, зашёл в тупик. Но теперь у меня есть ряд вопросов, отвечая на которые, вероятно смогу нащупать нить и прийти по ней к самому клубку.

Я взял отдельный лист и записал:

1. Происходило ли подобное с кем-то ещё или я единственный, кто столкнулся с феноменом «исчезающих букв»?
2. Что за текст получился из черновиков? Откуда он? Каков его смысл?
3. Происходило с моими работами то же самое и в других местах, или только в этой квартире?
4. И самое главное: кому и для чего всё это нужно?

Я посидел какое-то время над листком, бездумно глядя на вопросы. Помогло... Захотелось поскорее со всем разобраться. Решил начать с третьего пункта. На мобильном набрал номер Аллы Михалны, моей домработницы, присматривающей за квартирой в родном городе. Она долго не брала трубку, затем тихий, еле слышный голос наконец-то прошептал заветное приветствие:

– Алло...

– Алла Михална, вечер добрый, – я сразу вспомнил эту вечно бледную, измученную бременем жизни, но чрезвычайно исполнительную, заботливую и обязательную женщину. На её лице всегда отражалась печать «покорности судьбе». Лично меня это вполне устраивало. У большинства знакомых домработницы все как одна почему-то были шумными, домовитыми и часто занимали своим присутствием излишне много пространства. Поэтому я очень ценил в Алле Михайловне её «размытость». Казалось, у меня дома прибирается и готовит еду не человек вовсе, а бестелесный дух.

– Андрюша, это Вы? – узнала она меня, сразу поменявшись в голосе. Она была рада.

– Да, Алла Михална.

– Что-то случилось? – забеспокоилась она. Только тут до меня дошло, что между нами два часа разницы, а она ложится около девяти. Разбудил! – с досадой понял я. Ну да ладно. Ситуация требует жертв.

– Алла Михална, у меня к Вам просьба. Завтра придите в квартиру пораньше...

– Часов в шесть устроит? – наивно спросила домработница.

Я чуть не поперхнулся представив, как в четыре ночи раздается телефонная трель. Погорячился – мало того, что у нас с ней часовые пояса разные, так ещё и понятия о «пораньше».

– Если часам к девяти, будет просто замечательно. Когда

окажетесь в квартире, пожалуйста, загляните в кабинет и наберите меня. Дальше я скажу, что делать. Хорошо?

– Конечно.

– Всё. Тогда до звонка, – попрощался я.

– Ага, до завтра, – рассеяно ответила домработница, и я нажал красную кнопку на телефоне.

Уселся за ноутбук, подключил интернет, зашел на страницу «Гугла» – и... так и застрял, совершенно не представляя, какие ввести слова, чтобы поисковик выдал нужный результат. «Исчезновение»... или «пропажа букв»? «Осмысленный текст из исчезнувших букв»? «Меняющийся текст»? Решил остановиться на последнем варианте, но попытка оказалась неудачной. Передо мной открывались десятки сайтов о веб-дизайне. «Как нарисовать меняющийся текст в Фотошопе», «Работа в текстовых редакторах» и другие ненужные мне сайты.

Я уже был готов сделать ещё одну попытку, когда зазвонил телефон. Номер был Лёшин.

– Андрей Иванович, где Вы? – ни тебе здарсьте, ни извините.

– Что значит где? – недовольно пробубнел я.

– Ну... я Вас уже несколько часов на нашем месте жду, – виновато пояснял он. Затем, немного помолчав, добавил, – Суббота же, как-никак.

– И что? Насколько я помню, ты не захотел играть в «мои игры», – я не собирался с ним любезничать. В ответ опять

долгая пауза. Казалось, можно было различить скрежет работающих в его голове шестерёнок. Тишину в трубке прервал женский голос, объявляющий прибытие поезда. Когда голос умолк, Лёша «ожил»:

– Андрей Иванович, пожалуйста, приезжайте. Я кое-что расскажу. Это важно!

Теперь настала моя пора крутить шестерни.

– Сейчас закажу такси, – обдумав, сказал я.

– Я Вас очень жду! – радостно, на одном дыхании прокричал он мне в ухо.

Таксист попался какой-то медлительный, поэтому на вокзале я был лишь спустя минут сорок пять или даже больше. Рассчитавшись с «улиткой», поднялся на второй этаж, где меня ждал неприятный сюрприз – Лёши нигде не было. Хотя я и понимал, что рановато делать выводы о странном «ментовском» юморе, но гневные слова вырвались сами собой.

Первым делом – к кофейному автомату за мокаччино, а всё остальное – потом. Получив в обмен на деньги заботливо приготовленный машиной малюсенький стаканчик кофе, прошёл к своему месту, под которым (вот удивительно) кто-то забыл новехонькую лопату. Усевшись, положил сумку рядом с собой и начал осматривать чью-то потерю. Явно лопата только что из магазина: вон даже на совке ценник ещё прикреплен.

– Ну наконец-то... – прозвучал надо мной Лёшин голос,

и вслед за ним появились ноги в зимних кроссовках. Лёша сел рядом.

– Что за «ну, наконец-то»?! – я всё ещё злился на него, и безобидные реплики меня раздражали.

Он сразу сменил тон на знакомый, виновато извиняющийся.

– Я Вас ждал, ждал... и не дождался. Пришлось в туалет отлучиться.

– Давай сразу к делу, – перебил я его оправдания. Для меня действительно сейчас намного важнее было разобраться в причинах происходящего, нежели выслушивать извинения. Момент, когда мне нужна была его помощь, прошёл, а сейчас Лёша вряд ли мог принести пользу. Но я ошибся.

– Как скажете. Во-первых, хочу извиниться за свое «дезертирство» в среду. По-другому мой поступок не назовешь. Я и не думал, будто Вы со мной играете, нет. Знаю, что Вы не такой человек.

Честно говоря, я удивился.

– А чего же ты тогда так испугался? Решил, что я чокнулся?

– Нет, – грустно помотал он головой. – Я знаю, что всё рассказанное Вами в прошлый раз – чистейшая правда.

– «Знаешь»? – мои брови поползли вверх. – Откуда?! Я сам, если бы от кого-нибудь подобное услышал, не поленился бы у виска пальцем покрутить.

– В мире много странных вещей, которые нам не понятны.

Именно этой «непонятности» я и испугался. Не хотел с ней опять сталкиваться.

– Ты о чем?

– Хочу кое-что Вам показать. Именно для этого я Вас и позвал.

– «Кое-что» звучит пугающе.

В ответ он лишь хмыкнул, и потянулся за лопатой.

– А она тебе зачем?

– Пойдёмте и все сами увидите, – туманно ответил Лёша. Взяв инструмент, он поплёлся к выходу, а я покорно за ним.

Мы вышли из здания вокзала, поднялись на пешеходный мост, перекинутый через пути, и, спустившись на тротуар, сразу оказались в окружении домов частного сектора. Под ногами хрустел ставший серой кашицей утоптаный снег, – только минус семь мешали дороге превратиться в слякоть.

Мы шли вперёд, туда, где фонари и свет были непозволительной роскошью. Справа от нас тянулся забор вагоно-ремонтного завода. Слева грелись дома с теплым светом из окон и уютным запахом домашнего очага из труб. По пути мы ни разу никого не встретили: ни прохожего, ни заплутавшей машины.

– Может, всё-таки расскажешь, куда меня ведёшь?

Лёша на секунду обернулся, чтобы улыбнуться:

– Андрей Иванович, я уверен, если бы Вы мне в среду не напрямую всё рассказали, а лишь помогли, «незаметно» подтолкнули, чтобы я сам смог «открыть» исчезновение букв, то

уверен, моя реакция не оказалась бы столь бурной. Я знаю, Вы человек прямолинейный и не привыкли ходить вокруг да около. А я вот решил дать Вам возможность самому сделать «открытие». Поэтому пока ничего не спрашивайте.

«А ведь верно говорит, чертяка!» – с улыбкой подумал я. Мне ничего не оставалось, кроме как поспевать за Лёшей да, выдыхая клубы пара, думать о своём.

Пока мы шли, всё дальше удаляясь от вокзала (а это минут тридцать), рядом с нами тянулся высокий, из старых кирпичей, заводской забор. Казалось, он и был той ниточкой, которую я так хотел найти, и теперь осталось лишь подойти к ответам на все вопросы.

Лёша резко остановился, так что я чуть не врезался в его спину, заодно получив черенком лопаты по голове.

– Вот мы и на месте, – обрадовал он меня и пошёл, аккуратно ступая с очищенного тротуара через сугробы к дороге. Преодолев её, он, не останавливаясь, направился дальше к домам. Я удивился, но ни о чём спрашивать не стал, а просто повторил его путь.

Не знаю, куда Лёша меня в такой холод вёл, но ничего особого я в этом месте разглядеть не смог. И дело даже не в тоннах снега, падающих с неба, крупными хлопьями скрывающих мир за непроницаемой пеленой. Просто окружающий меня пейзаж ничем не отличался от тех, что я видел, спустившись с моста. Разве что здесь заводской забор чуть

более ветхий, а домишки, в основном, старые, из сруба.

Бегущая вдоль забора дорога, по которой мы шли, сворачивала, превращаясь в узкую улочку. На развилке, ближе к домам, обнесённая полутораметровой железной оградой, стояла жёлтая будка с яркой чёткой надписью: «Огнеопасно! ГАЗ». Я не сразу понял, что Лёша направляется именно к ней. Лишь когда он протиснул меж прутьев лопату, до меня дошло: он собирается забраться внутрь. В считанные секунды, предварительно глянув воровато по сторонам – нет ли свидетелей – он поднялся по большому сугробу, что намели с дороги снегоуборочные машины, и перемахнул через решётку.

Я ошалело смотрел на его странные, лишённые всякого смысла действия, совершенно не понимая смысла происходящего.

– Лёша, что ты делаешь?

Он уже держал в руках лопату.

– Андрей Иванович, ещё две минуты – и сами всё поймете, – заверил он меня голосом человека, который понимает, что и зачем делает. – Вы на меня внимания не обращайтесь. А пока лучше по сторонам смотрите – запоминайте обстановку, подмечайте мелочи... одним словом, хорошенько оглядитесь.

У меня опять возник ряд вопросов, которые я не стал задавать. Лёша принялся очищать пространство внутри этого сооружения от снега, ловко орудуя инструментом на узкой

площадке шириной не больше метра.

Ну что же... Последовав его совету, я принялся присматриваться, прислушиваться, стараясь впитать в себя окружающую обстановку, стать частью её.

Единственный фонарь, возвышающийся на развилке, давал света столько, чтобы осветить бурлящий поток хлопьев да малый кусок дороги. Всё было погружено в темноту, пронизанную белым свечением. Голые, замерзшие деревья, притворяющиеся мертвецами... Огонь и свет в домах, где люди не осознают тоски и сырости за окном...

Забором был обнесён какой-то старый заводской цех – большое заброшенное здание с пустыми глазницами окон. В этом мёртвом мире живыми были лишь звуки – Лёшино усердное кряхтение, позвякивание железа, когда он случайно задевал прутья ограды, мерное шипение из бочки с надписью «ГАЗ» да шуршание снега. Мир замер, и сейчас существовали лишь мы – кажущееся движение, кружение, переливы декораций к этой пустоте.

– Готово! – запыхавшись, позвал меня Лёша, указывая на результаты своего труда: площадка внутри была почти чиста от снега, лишь кое-где землю и тонкую траву прикрывали белые пятна.

– И что теперь?

– Давайте ко мне.

– Внутрь?! Через забор? – я не понимал, что он вообще делает.

– Да. Тут несложно – на сугроб, а там прыгнете. Я Вам помогу.

– Дело не в сложности, – возмутился я, – а в бессмысленности. Терпеть не могу делать ненужные телодвижения.

Лёша явно не был настроен спорить. Он, обречённо вздохнув, сказал: «Тогда смотрите...» – и, отступив на шаг, с силой метнул лопату в столь тщательно очищенную им землю. Лопата воткнулась не больше, чем на ладонь и застряла, оставшись торчать колом. Я посмотрел на Лёшу, но он лишь одними губами прошептал: «Смотрите-смотрите», – взглядом указывая на лопату. Я не сразу заметил, что она погружается.

– Что за... – я подошел поближе, желая внимательно рассмотреть происходящее.

Земля зыбучим песком буквально всасывала, поглощала добычу. Сначала совсем медленно, незаметно, постепенно ускоряясь, пока одним окончательным рывком не проглотила лопату до конца.

– Что это было? – выдавил я из себя.

– Здесь место такое, всё что угодно поглотить может, – с явным удовольствием пояснил он, – хочешь камень, хочешь ручку, хочешь шину от машины...

– Шину?

– Ага, – улыбнулся Лёша, не пойми чему радуясь. – Я в детстве с друзьями над этой «дырой» столько экспериментов проводил. Трюк с шиной был одним из первых, когда она,

казалось, должна была отскочить, а не застревать в земле, а затем и вовсе поглощаться... Но это только малая часть всех чудес. Андрей Иванович, надеюсь, Вы сейчас не побоитесь залезть сюда?

– Куда? – отшатнулся я. – В дыру?!

– Да нет, что Вы. За ограду.

Больше не произнося ни слова, по сугробу вверх и – на твёрдую почву. Теперь между мной и Лёшей не осталось преграды.

– Ну а сейчас – гвоздь программы! – торжественно-шутливо объявил он. Между нами лежало как раз то самое место, где только что исчезла лопата.

– Оглянитесь кругом, – продолжил он руководить.

Сделав, как велено, я не заметил в окружающем мире никаких изменений – всё то же мертвое здание за забором, усыпанная снегом дорога да старые дома, о чём и сообщил Леше.

– Вот и ладненько. А теперь сделайте шаг вперёд.

– Ещё чего! – испугался я, стараясь отступить, но сзади мне преграждала путь металлическая решетка.

– Да не бойтесь, всё уже тысячу раз на себе опробовано.

Я присмотрелся к довольному Лёшиному лицу, но никакого видимого подвоха не заметил. Тяжёлый вздох обозначил мой страх. Рисковать, так рисковать!

Я сделал шаг...

Что происходит?! Что это за место?

... Лавина сыплющего с небес снега исчезла. Фонарь не

горел. Будки и ограды не было, но чуть впереди появился другой деревянный забор. И самое главное – окна заброшенного цеха ярко светились и оттуда доносился звук работающих прессов или наковален. Металлический звон, от которого внутри росло ощущение опасности, разносился по всей округе.

Я оглянулся в поисках Лёши. Нет, он не исчез. Но в то же время это был не он, а лишь его тень, мутная фигура, не имеющая чётких очертаний. Я видел, что он что-то говорит, но не мог слышать его голос, как если бы он находился за плотной стеклянной стеной.

А земля под ногами... и не земля вовсе, а растянутый кусок резины – мягкая, упругая, зыбкая.

А ещё здесь теплее и чуть тяжелее дышать.

Сделав шаг назад, я вынырнул «оттуда». Снег вновь засыпал всё вокруг, страшный опасный звук ожившего завода исчез, и Лёшин голос успокаивал:

– ...ойтесь. Нам по первой тоже было страшно, но затем привыкли.

Я учащённо дышал, стараясь прийти в норму.

– Лёш... пойдём отсюда... – заставлял я себя произносить слова, дававшиеся с таким трудом. – Посидим... где-нибудь...

Вокруг вокзала располагалось много разных забегаловок на любой вкус и кошелёк. Я выбрал бильярдную «Пирамида»

и не прогадал. Усевшись за единственный свободный столик, попросили у девочки-официантки по бокалу пива и какой-нибудь несложной снеди.

– А сложная у нас и не водится, – невесёлым голосом то ли пошутила, то ли огрызнулась она.

Я сидел, стараясь прийти в себя, и лишь звуки сталкивающихся шаров всё больше возвращали чувство реальности. Лёша без особого интереса наблюдал за борьбой, развернувшейся на ближайшем столе и ждал, когда я начну спрашивать.

– Рассказывай, – попросил я. Он, как всегда, беззащитно улыбнулся (Ну, что такому человеку в милиции делать?) и с готовностью начал говорить.

– Неподалеку от той «дыры» жила моя бабушка. Меня родители к ней на попечение на всё лето сдавали. Естественно, обзавёлся кучей друзей, от которых так же родители избавлялись на время каникул. Но было и несколько местных. Они-то и спорили с «чужаками» (когда на деньги, когда на сладости), что знают такое место, которое способно поглотить любую вещь размером меньше метра. Мальчишки называли это явление «дырой в земле».

– А что это за место было, ну, что я видел, стоя на этой «дыре»?

Лёша пожал плечами:

– Не знаю. Мы так новеньких проверяли – кто трусил и не решался встать на это место или с криком убегал после

увиденного, тот в нашу банду не допускался. А кто решался и проявлял к этой штуковине любопытство, автоматически становился одним из нас. Босота десятилетняя, а что ещё от нас ждать?!

– Взрослым рассказывали? – я отхлебнул пиво из кружки.

– Конечно. Я лично первое время все уши бабушке прожужжал о странной «дырище». Но что толку? Сами знаете – взрослые никогда не воспринимают детские истории всерьёз. Мило поулыбались, взъерошили волосы на голове и «будя».

– Неужели ни один взрослый не соприкоснулся с этой странностью? – не унимался я. Мне почему казалось несправедливым, что таким удивительным явлением никто не заинтересовался.

– Почему же?! Вы, Андрей Иванович, думаете эту «огнеопасную» будку зря именно на месте дыры поставили и всё ровненько заборчиком высоким огородили? Чтобы народ почем зря не лазил! К «дыре» всякие «горгазовцы» на машинах-лабораториях чуть ли не каждые выходные приезжали. Думаете, это все случайности?

– Вряд ли, – согласился я с Лёшиными рассуждениями.

– И я о том же. Когда заметил слишком большую активность возле «самой обычной газопроводной развилки», начал у бабушки спрашивать. Так она немного знала, хоть и всю жизнь здесь прожила. До этого на месте газоразвилки стоял кирпичный гараж (Кому он к черту здесь нужен?),

а ещё раньше – землю прикрывали толстые стальные листы, которые уж слишком быстро разрушались. Буквально за несколько лет кирпич начинал крошиться, а железо разъедало ржавчиной. Вот такая ерунда. Поэтому и приходится тем, кто отвечает за это недоразумение, постоянно какие-то новые постройки придумывать.

– Забавно.

– Не то слово! К тому же «дыра» имеет странный эффект. Предметы может поглощать круглосуточно, а «увидеть» другое место можно только в течение часа – с десяти вечера до одиннадцати.

– Это ты в детстве наэкспериментировал?

– Угу. А чем ещё было летом заниматься да в десять лет? Как мы только ни изголялись с этой странной «дыренью», вспомнить одно удовольствие. Много разных открытий успели сделать...

– Например? – знакомая смесь опасности и любопытства вновь поселилась внутри меня. Приятное чувство.

– Например... – задумался Лёша. – Да я уж многого и не вспомню. Ну вот, чтобы вещь исчезла в дыре, её нужно кинуть, швырнуть с силой, чтобы она хоть немного в землю вошла. Причем неважно, острый это предмет, как лопата, или нет, как шина. Если вещь целиком кинуть, земля как бы зыбкой становится, и позволяет хоть ненадолго проникнуть в себя. Но обязательно вещь должна быть брошена целиком.

– То есть?

– Мы как-то на мусорке старый пылесос нашли и решили его в «в дыру» сунуть. Корпус был тяжёлый, и через ограду его не так-то просто перетянуть было. Вот кто-то из наших и предложил прикрепить шланг к корпусу и швырнуть его, просунув в прутья. Так и сделали, но результат был нулевой. То же повторили, перетянув пылесос через ограду, – опять ноль. Лишь подняв и швырнув весь пылесос, поняли, что «дыра» приняла нашу жертву.

– А если вещь просто оставить там лежать, не кидая?

– Я же уже говорил, что она очень быстро испортится. Но всё это мелочи, – с налётом тайны прошептал Лёша, до конца осушив кружку. – Самое интересное связано с местом, которое Вы увидели.

– С работающим заводом? – уточнил я.

– Да. Только он не всегда работает. Вы когда встали на «дыру» и оказались там, хорошенько осмотрелись?

– Конечно! Мне так было интересно.

– То есть Вы, Андрей Иванович, и по сторонам головой вертели, и двигались всем телом?

– Естественно, – кивнул я, соглашаясь.

– А я вот видел, что Вы замерли на месте с остекленевшими глазами, словно памятник, и простояли так секунд пять.

– Секунд пять?! Да я там не меньше пяти минут был!

– Это нормально, – махнул он рукой. – Простояли секунд пять и отшатнулись, придя в себя. Мы с помощью этого эффекта новеньких разводили. Встанет кто-нибудь из наших

на «дыру» и застынет, а новичок за его спиной любые жесты показывает, любые цифры или буквы пальцами рук. Затем наш «экстрасенс» выныривает и всё в точности повторяет, что тот делал. Так новенькие после этого чуть ли не молиться на нас были готовы.

– А почему тебя слышно не было? – вспомнил я. – Ты же что-то говорил.

– Это тоже эффект «дыры» такой. Будто фильтр на звуки стоит, – что бы ни говорил, как бы громко ни кричал, а все без толку. Кроме звуков того места, всё равно ничего не слышишь... Может, ещё по кружечке? – с надеждой посмотрел на меня Лёша.

– Ты, если хочешь, бери. А я пас.

Лёша тяжело вздохнул, но официантку звать не стал. Мне говорить не хотелось. Сил с трудом хватало только на то, чтобы слушать. Лёша тоже молчал. Лишь удары кием, словно выстрелы, рассекали тишину. Меня клонило в сон.

– Теперь Вы видите, Андрей Иванович, – глядя перед собой, тихо начал Лёша, – я не то чтобы верю в странности. Я на собственном опыте знаю – они есть. Наш мир сплошь наполнен чудесами. Вопрос лишь в том, встретились ли они на твоём пути, или тебе удалось проскользнуть мимо них, не заметив. Я сбежал тогда от Вас, потому что боялся, что моя спокойная, размеренная жизнь, с таким трудом собранная из ничего, может рассыпаться пеплом. Но даже не это страшно! Само знакомство с Вами повергло меня в полней-

шее смятение.

– От чего же?

– От того, что я начал понимать ограниченность собственной жизни.

– Но я ничего такого... – кинулся я оправдываться, но он меня перебил, желая договорить.

– Всё в порядке. Мне и страшно, и интересно одновременно – точь-в-точь как Вы себя чувствуете. Я впервые за долгое время стал воображать, вспоминать, о чём всегда мечтал, чего хотел. Поверьте, в детстве моих амбиций хватало на большее, чем слоняться патрульным по надоевшему маршруту. Вы помогли мне об этом вспомнить, а я хочу помочь Вам. Не для Вас, для себя...

Я не отвечал, просто не зная, что сказать.

– Мне, конечно, многое непонятно, но я готов попытаться выяснить, куда подевались Ваши буквы.

Не сдержавшись, я улыбнулся, удивляясь, насколько Лёша сейчас был похож на того пацанёнка десяти лет, что увлеченно сплавлял в «дыру» всё, что попадалось под руку.

– Лёш, давай не сегодня. Я с удовольствием приму твою помощь, но не сейчас – прежде, чем действовать дальше, мне требовалось всё хорошенько обдумать. Не время делать глупости.

– Да, конечно. Я понимаю, – не сумев скрыть своего огорчения, вежливо согласился он.

– Ты лучше вот что... вызови такси. Буду очень благода-

рен. И ещё, — я отдал Леше листы с выписанным из текста диалогом, — ты пораскинь мозгами. Может, поймёшь, что это и откуда. А то я совсем в тупике.

— Так точно, — сразу повеселел Лёша.

Дома я, в первую очередь, чтобы хоть немного согреться, набрал горячую ванну. Холод будто пробрался под кожу, не желая оставлять меня в покое. Пришлось довериться горячим струям и долго стоять так, закрыв глаза, ни о чём не думая.

Уже половина второго, но спать не хочется, хотя, подъезжая к дому, готов был отключиться прямо в машине. Вода помогла снять усталость.

Ну что же, теперь можно сесть за компьютер — попытаться найти ответы в сети, или взять ручку да пополнить сегодняшними открытиями пару листов, аккуратно разложенных на полу. Я стоял посреди комнаты, смотря то на листы, то на компьютер, стараясь понять, чего больше хочется. СТОП! А что если...

Я взял первую страницу последнего черновика, стараясь найти исчезнувшие буквы, и принялся внимательно, слово за словом, изучать написанное. Так и есть! Листы пестрели ошибками и проглоченными окончаниями, которых до этого не было. Я схватил чистую бумагу и лихорадочно, так, словно от этого зависело моё спокойствие, начал выписывать буквы, соединяя их в слова. Но вот что было странно — в

этих листах ошибок оказалось намного меньше: из двадцати страниц получилось всего три слова. ТРИ СЛОВА! При чтении их наоборот получалась какая-то чушь, совершенно не подходящая предыдущему отрывку.

«НАЙДИ БУКВОЕДА. ПРЫГАЙ!»

Что за «буквояед»? Что за послание? Мне? Куда «прыгать»? И если это послание (а во мне поселилась стопроцентная уверенность, что эти три слова – именно послание), то от кого? И каким образом? Ну, вот опять сложные вопросы!

С бумажкой я перебрался к компьютеру, подключился к интернету и в строке поиска ввел единственное слово: БУКВОЕД.

«БУКВОЕД – Петербургская сеть книжных магазинов. Ассортимент книг, поиск по автору, ISBN, издательству... www.bookvoed.ru» – всё в том же духе: один-единственный сайт с таким названием и ссылки на него, обсуждения на форумах и блогах, плюсы и минусы обслуживания, работы персонала книжных магазинов».

Есть ещё пару кафешек и ТВ-программ с таким же названием и больше ничего, что хоть как-то могло мне помочь.

От безысходности щёлкнул на ссылку сайта книжного магазина. Сразу же меня приняли в оборот: реклама бестселлеров, вакансии и «удобный поиск» книг, но ничего толкового я опять найти не смог. Здесь же в поиск по книгам ввел слово «Прыгай».

«1. Прыгай выше головы. Пол Арден: Эта книга зарядное

устройство на случай посадки ваших творческих батареек, уверенности в собственных силах...

2. Тигруля прыгает. Милн А. Л. Тигруля очень любит прыгать! Раскрой весёлую книжку и попрыгай вместе с ним! Вставь пальцы в специальные отверстия с задней стороны обложки – и игрушка оживет!

3. Набор для детского творчества Доктор Чарли. Сделай свой прыгающий мячик!

4. Ползаем, ходим, бегаем, прыгаем: развитие общей моторики от 0 до 3 лет. Борисенко М. Г.»

Это всё? Не знаю почему, но мне хотелось ругаться. Призрачная надежда найти путеводную нить улетучилась, а вместе с ней и последние силы. Я выключил компьютер и переполз на кровать, чтобы тут же уснуть.

– Слушаю... – промямлил я сквозь сон, на автопилоте подняв трезвонящий мобильник.

– Андрюша, я Вас не разбудила? – с испугом выдохнула призрачная Алла Михална.

– А? Нет-нет, что вы. Я как раз собирался вставать, – соврал я, и, потирая глаза, уселся на кровати.

– Я сейчас у Вас дома в кабинете нахожусь. Что дальше? Мне потребовалось потратить много сил, чтобы вспомнить, о чём говорит моя домработница. Откашлявшись, наигранно-бодрым голосом, попросил:

– Алла Михална, Вы, пожалуйста, мои записи, что в пра-

вом шкафу хранятся, достаньте.

– Это из которых Ваши статьи получаются?

«Ну конечно, она же лучше меня знает, где что в доме лежит», – подумал я.

– Да.

– А Вы их разве не забирали?

– Куда? – не понял я.

– Не знаю, Вам видней, – так и не разъяснив, ответила Алла Михална. – Они почти сразу после Вашего отъезда из шкафа исчезли. Вот я и решила, что Вы их с собой забрали. А разве нет?

– Нет... – ошарашенно помотал я головой. Что за чертовщина? Куда пропали черновики? Во мне поселилось навязчивое ощущение, что происходит что-то серьёзное, но абсолютно для меня непонятное, а я нахожусь в самом центре этого «чего-то». Но впервые за всю журналистскую карьеру мне не хватало сил и ума разобраться во всё больше опутывающих меня вопросах.

Судя по молчанию в трубке, до Аллы Михалны таки дошло – произошло что-то нехорошее.

– Посмотрите, пожалуйста, ещё раз внимательно.

– Так они ж у тебя все полки в шкафу занимали, а сейчас там пусто. Я как заметила пропажу... В кабинет пришла прибраться, а глаз уже подметил – шкаф же не закрывался, мешали выпирающие наружу папки. А тут замечаю, что всё нормально, дверца полностью закрыта. Открываю – пусто.

Тогда подумала, что Вам записи понадобились, вот и забрали с собой. Мы же с Вами не виделись перед отъездом...

Судя по всему, Алла Михайловна не на шутку перепугалась. За всё время нашего знакомства я ни разу не слышал от неё такого потока слов, да ещё и выпущенного с такой скоростью.

– Алла-а Михална-а-а! – прервал я её тарабарщину. – Все в порядке. Ничего страшного не произошло.

– Ну как же! Как же, Анрюша, ничего страшного?! – наконец-то прорвало её, и она запричитала плаксивым голосом. – Это же значит, что здесь воры были и могут вернуться, когда захотят. Это же опасно!

– Итак! – грубо оборвал я её. – Во-первых, всё, что нужно забрать, они уже взяли, и, могу поспорить, ничего ценного не пропало, только черновики. Так что бояться нечего. Во-вторых, пока я не приеду, можете появляться у меня только раз в неделю – цветы поливать. Даже убирать не надо. Понятно?!

– Понятно-то понятно, – протянула чуть поуспокоившаяся домработница. – Только когда Вы приедете?

– Пока не знаю. Там видно будет. Я ещё позвоню.

– Андрюша...

– Всё в порядке, – уверил я её. – Мне надо идти. – И положил трубку.

Если бы с каждым заданным вопросом, которые возника-

ли за последнее время, я рисовал закорючку на стене, вся квартира была бы усыпана вопросительными знаками. Тогда бы меня в прямом смысле окружали сплошные вопросы. Вот такие дела...

Наверняка ответа на вопрос, кому и для чего понадобились мои черновики, в ближайшем будущем я не узнаю.

Несмотря на то, что удалось поспать меньше пяти часов и тело ощущало усталость, дальше ложиться и набирать недостающие часы сна я не собирался. Было много работы, многое нужно выяснить, понять и проанализировать. Для начала я умылся, почистил зубы. Дальше требовалось успокоить просящей съестного желудок. Чего-то серьёзного есть совершенно не хотелось. Поэтому привычные растворимый кофе с молоком и пачка миникруассанов с варёной сгущёнкой – вот весь завтрак.

Взяв чашку и синий пакет «Севен дейз», прошёл за стол к ноутбуку. Подключился к сети. На этот раз в строчку поиска ввел «дыры в земле»:

«1. Самые громадные дыры на земле (23 фото с описанием).

2. Дыры в Земле. Карстовый провал в Гватемале...

3. Чёрная дыра в земле (10 фото) (я в шоке)

4. Дыры в земле заглатывают дома и людей (фото)...»

И ещё больше ста тысяч подобных статей. Я открыл несколько наугад.

Страницы сайтов пестрели изображениями гигантских

выбоин. Это и пугало, и завоораживало одновременно. Многокилометровые алмазные карьеры, воронки водоворотов, раздвинутые черные пасти дырищ. Я не мог отвести глаз, наблюдая за величием человека и природы...

«Карьер Kennecott Bingham Canyonmine, штат Юта. Самый большой действующий карьер в мире: разработка началась в 1863 году и идёт до сих пор. Около километра в глубину и 3.5 км в ширину...»

«Карьер «Diavik» в окружении вод, Канада.

Здесь добывают алмазы. Карьер расположен на островах и имеет свою инфраструктуру с аэропортом».

«Гигантская голубая дыра, Белиз.

Ширина 400 метров, глубина около 145—150 м. Излюбленное место профессиональных дайверов со всего света. Детали происхождения этой дыры до конца не выяснены». Эта дыра меня особо заинтересовала. Посреди океанской синевы идеальная крупная чёрная воронка немыслимых размеров. Даже страшно представить, какая сила могла оставить такую отметину.

И невероятнее всего:

«Карстовый провал в Гватемале».

Гигантская воронка глубиной 150, а диаметром 20 метров. Вызвана подземными водами и дождями. Во время образования провала погибло несколько человек и уничтожено с десятков домов. По словам местных жителей, примерно с начала февраля в районе будущей трагедии ощущались по-

движки почвы, а из-под земли слышался приглушенный гул. Воронка, в считанные секунды унёсшая жизни людей, проглотила тонны земли и десятки зданий. Чернота, живущая на её дне, похожа на вечную темноту космоса, что угрожает удушьем и одиночеством.

Как я понял, дыры делились на созданные человеком и не пойми откуда взявшиеся – созданные воображением природы. Но увы, ни те, ни другие мне не подходили. Я искал нечто иное...

Немного поборовшись, поспорив сам с собой, я всё же решился и набрал в поисковике «Параллельный мир». Первой страницей выскочила Википедия. Я открыл.

«Параллельный мир (в фантастике) либо параллельная вселенная – это реальность, существующая каким-то образом одновременно с нашей, но независимо от неё. Это автономная реальность может иметь различные размеры: от небольшой географической области до целой вселенной. В параллельном мире события происходят по-своему, он может отличаться от нашего мира как в отдельных деталях, так и кардинально, практически во всём. Физические законы параллельного мира не обязательно аналогичны законам нашего, в частности, иногда допускается существование в параллельных мирах таких явлений, как магия».

Дальше статья продолжалась подробным описанием самой идеи альтернативной реальности, её логической системы, гиперпространств и измерений.

Я внимательно стал изучать написанное, стараясь найти что-нибудь схожее с моим случаем. И вот что интересно, здесь же упоминалась история Алисы, написанная Льюисом Кэрроллом. Начав изучать его биографию и историю написания «Алисы», наткнулся на упоминание того факта, что первоначально Кэрролл описал пропажу Алисы не в кроличьей норе, а в зыбкой дыре в земле, через которую Алиса провалилась, прыгнув с камня, чтобы проверить, куда пропал кролик.

«Прыгай!» – говорилось в послании.

К тому же Кэрролл придумал историю реально существующей Алисы лишь отчасти. Она на самом деле пропала на двое суток. Вся полиция Оксфорда сбилась с ног, разыскивая десятилетнюю Алису Плезенс Лидделл. Когда девочка появилась, вся зачуханная, грязнушая, но целая и невредимая так же внезапно, как и пропала, то рассказала, что провалилась под землю, играя в парке, и всё это время пробыла «в другом Оксфорде». Естественно, никто её слушать не стал.

«Взрослым рассказывали?» – вспомнил я свой вопрос, заданный Лёше. Лишь старший друг девочки, Кэрролл, удивительным образом сохранивший в себе ребёнка, сумел отринуть привычные знания о мире и поверить ей.

Я закрыл ранее открытые страницы про коллайдер и чёрные дыры за ненадобностью. То, что мне нужно, я нашел в книге, написанной более ста пятидесяти лет назад.

Прежде, чем приступить к осуществлению задуманного, я всё же решил дополнить уже лежащие на полу стопки ещё не записанной частью произошедших событий. Начиная от звонка Алле Михайловне, включая показанные Лёшей чудеса и заканчивая уже сегодняшними открытиями – пропажей черновиков и историей исчезновения Алисы. Решил скачать из интернета мультик про Алису в Стране чудес. Сам не знаю, чем это могло мне пригодиться. Конечно, в идеале хотелось бы внимательно перечитать текст Кэрролла, но времени на это не было. Немного порыскав по сайтам, нашел три разных варианта:

1. «Алиса в Стране чудес и в Зазеркалье». Киевнаучфильм, 1981.

2. Диснеевская Алиса.

3. И ещё фильм Тима Бертона.

Так как советский мультфильм был короче, я выбрал именно его. Пока файл скачивался, сходил на кухню, чтобы заварить чай с лимоном. Как раз, когда заливал кипятком ароматную лимонно-сахарную смесь, услышал из комнаты писк, сообщающий мне о завершении процесса. Взяв с собой чашку и блюдце, прошёл в комнату. На столе опять начинала складываться грязная посуда, что означало мою слишком большую увлечённость делом, которым сейчас занимался. Отсутствие чистых чашек и тарелок всегда служило мне своеобразным сигналом, что я слишком погрузился в

процесс расследования и анализа и начинаю забывать о себе. Ну да ладно, сейчас ничего менять мне не хочется.

Я включил мультфильм...

Оставалось не больше двух минут до конца второй части из трёх, когда меня осенило. Остановив воспроизведение мультфильма, я взял валяющийся на диване телефон. Пока набирал номер, пытался вспомнить наш с Лёшей разговор о том, почему я стал журналистом. Он тогда всё пытался мои рассуждения понять и хотел себя в физики записать.

– Да? – спросил Лёша.

– Лёш, привет, это Андрей Иванович.

– Да-да, я узнал... – коротко и как-то по-деловому сказал он. – Я сейчас на службе, мне не совсем удобно разговаривать.

– А когда сможешь? Мне нужен важный вопрос тебе задать. Это срочно, – в действительности я не то чтобы «не мог», а, скорее, не хотел ждать.

Секунды молчаливых раздумий, затем он коротко ответил:

– Через десять минут перезвоню, – и сразу же повесил трубку.

И действительно, ровно через десять и перезвонил.

– Ну, теперь спрашивайте, – уже своим, неофициальным голосом, сказал Лёша. – Минут пятнадцать поболтать смогу.

– Отлично! – обрадовался я. – Более чем достаточно.

– Так о чём Вы хотели узнать? – на заднем фоне постоян-

но слышались хлопки дверью и шум воды. Плюс его голос отдавал эхом.

– Помнишь, когда мы с тобой только познакомились, я тебе рассказывал, почему стал журналистом?

– Из-за тех мальчишек, что убили один другого? – от его слов меня передёрнуло, но я ничего по этому поводу не сказал.

– А ещё? – мне хотелось, чтобы он сам вспомнил.

– Преодоление себя, мол, полочки в душе должны быть заполнены правильно? Об этом?

– Во-во! – я был рад, что он помнит. – Ты ещё тогда мою «философию» не совсем понял и спросил, должен ли ты стать физиком.

– Помню. Вы за этим меня просили позвонить? – Лёша был явно недоволен.

– Это важно. Я пока объяснить не могу, но ответ. Хорошо?! Почему ты тогда именно физику в пример привел? Потому что формулы не понимал? – предположил я.

– Да нет же. С формулами-то не беда – подставляй нужное значение, да и только.

– Тогда что? – мне, как человеку, которому точные науки давались так же с трудом, было не совсем понятно, какие ещё могут трудности, кроме как «Я не знаю! До меня не доходит!»

– Просто теория, которую давала учительница, казалась мне пустой, а точнее, верной лишь отчасти.

– «Отчасти»?

– Ну да... – по голосу Леши было слышно, что обсуждаемый вопрос для него до сих пор важен, что ещё раз подтвердило – я выбрал верное направление. – Будто у всех этих формул есть лишь составляющая материального мира и не предусматривается иное...

– «Иное»? – вновь повторил я. Лёша меня всё больше и больше удивлял.

– Духовное... ирреальное... Понимаете?

– Не совсем, – честно признался я.

– Ну, вот возьмём, например, такую составляющую, как масса. Она есть у всего – даже у невидимой глазу энергии. И всё, что можно взвесить, является реальным, а всё, что взвесить нельзя – не существует. Но это же неправильно! – Лёша говорил эмоционально, пламенно, будто не со мной разговаривал по телефону, а выступал перед учёным советом, полным ортодоксальных скептиков, доказывая свою теорию.

– Почему неправильно?

– А как же... как же душа, любовь, добро, зло... Бог, в конце концов?! Ведь их нельзя взвесить! Это же не значит, что их нет.

– Скажем, любовь можно взвесить, – решил пошутить я.

– Как это? – послышался голос, полный удивления.

– Если гормоны можно взвесить, значит, и любовь можно.

– Я не об этом, – совсем не поняв юмора, отмахнулся он. – Я, скорее, имею в виду, что, если мы не можем что-то объяс-

нить, это не значит, что этого не существует. Это лишь значит, что мы ограничены в знаниях и во взглядах. Поэтому мне физика в том состоянии, в котором она находится сейчас, и не понравилась – уж слишком материальна и не допускает места духовности... В мире есть место любым чудесам. Существует абсолютно всё. Вопрос лишь в том, принимаем мы это или тупо закрываем глаза.

Лёша будто поставил точку. Под конец его голос сделался грустным и совсем тихим.

– Лёша-а... – протянул я ехидно, чувствуя свою силу перед ним в том, что признаю в себе те черты, которые он признавать отказывался.

– Что?! – сухо, будто огрызнулся, спросил он после паузы.

– В тот разговор, ты ведь неспроста именно физику в пример привёл? Ты ведь физиком хотел стать, чтобы «дырку» ту разгадать? Загадку, таящуюся в ней, верно?

Но он молчал. Я слышал лишь его глубокое дыхание, которое было многословнее всего.

– Только я не могу понять, почему ты не пошёл учиться и исследовать, если так хотелось? Я ведь теперь вижу, что ты совсем не мент. Да и не видел я тебя ментом с самой первой нашей встречи. Будто ты не на своем месте, а только играешь. Почему? Почему не решился делать то, что было интересно? А вместо этого людей от преступников охраняешь, хотя защитник из тебя как из говна пу....

– Из-за Серёги, – перебил он мои издевательства.

– Что? – не понял я.

Он опять замолчал, но на этот раз я решил дать ему время, чтобы Лёша сам захотел раскрыться. Наконец он, заговорил:

– С нами на улице парень жил, Серёга. Он самый младший из нас был. Кажется, лет девяти. Он для нас с пацанами чем-то вроде боксёрской груши был. Мы над ним постоянно насмехались, издевались, дразнили. Но он всё равно за нами собачонкой таскался и молчал постоянно, не обижаясь вовсе. Даже если мы его прогоняли, Серёга за нами издали наблюдал. Естественно, он и про «дыру» знал, и все наши эксперименты с ней видел. Затем он пропал... навсегда. Всё, произошедшее потом, стало колотой раной памяти. Отчаяние его родителей. Мать рыдала, задыхаясь, захлебываясь слезами. Она умоляла нас сказать хоть что-нибудь, что помогло бы помочь найти его. Злость допрашивающих нас ментов. Они орали, говорили, что мы наверняка знаем что-то. Но все мы молчали – ведь даже себе боялись признаться: Серегу поглотила «дыра». Не говоря уже о том, чтобы рассказать кому-то из взрослых. Все хорошо знали их реакцию.

После исчезновения Сергея мы ни разу компанией не встречались. Я даже это место стороной обходил, как наверняка и другие.

– Так что получается, ты со мной пришел к «дыре» впервые спустя столько лет? – удивился я.

– Именно... Я старался о ней забыть. Даже в ментовку пошёл, стараясь убедить себя, что Серегу похитили или что-то

в этом духе и желая отомстить не пойми кому.

– Да уж, – выдохнул я. – А ты уверен, что Сергей именно в «дыре» исчез, как те предметы, а не случилось с ним что?

– Уверен, – твёрдо сказал Лёша.

– Откуда?

– Просто знаю. Чувствую, если угодно.

– Понятно, – я вполне был удовлетворён его ответами. – Спасибо, что рассказал. Это было важно для меня.

– Угу.

– И ещё... я тут уеду на какое-то время.

– Куда? – спросил он равнодушно. Сейчас ему, судя по всему, было не до меня.

– В свой город. Там трудности с одной статьёй возникли – спорные вопросы придётся решать. Так что... Телефон я тоже выключу, чтобы не отвлекал. Приеду, позвоню.

– Хорошо... – и положил трубку, даже не попрощавшись.

Выбрать, что именно положить в сумку, оказалось настоящей проблемой. Я понятия не имел, что мне может понадобится ТАМ. На всякий случай я беру с собой часть уже записанной истории, стопку чистых листов, любимую ручку, карандаш, паспорт. Деньги брать? Думаю, да. Мобильник тоже. Записанное на листе послание сворачиваю вчетверо (хотя оно умещается у меня в голове) и кладу в задний карман. Вроде бы всё! Тепло одевшись, выхожу из дома. Такси ждёт у подъезда.

Спустя полчаса дороги таксист уезжает, получив нужную сумму. Кругом темно и опять валит снег.

Я подхожу к огороженной жёлтой будке с надписью “ОГНЕОПАСНО”. Оглядываюсь по сторонам, но здесь, по-видимому, прохожие – редкость.

С трудом забираюсь на сугроб, а оттуда сажусь на ограду, перебирая руками, ползу поближе к тому самому месту, где на моих глазах исчезла лопата. Ну что же, выбор сделан уже более тридцати лет назад, когда я стал журналистом.

Становлюсь на забор, с трудом сохраняя равновесие.

«Прыгай! – повелел кто-то в записке. – Найди буквоеда!»

«Где там кролик? – подумала Алиса. – Наверное, у него здесь спрятана нора?»

Она забирается на камень, и сгает с него, проваливаясь сквозь зыбкую землю, бесконечно долго падая вниз...»

Как описать это ощущение?

Если его сравнивать с чем-то, что я уже когда-либо испытывал, то больше всего оно похоже на глоток воздуха в новом, совершенно незнакомом городе...

Когда просыпаешься, сам не знаешь почему, рано-рано, только лишь первые лучи солнца коснулись земли и кругом ещё предрассветный полумрак. Глаза закрыты, но голова светлая и лёгкая, будто и не спал всего от силы часа четыре. Лежать так на второй полке, слушая перестук колёс... А тело само покачивается ему в такт. И, кажется, будто время

замерло, чтобы, не дай Бог, не потревожить царящее кругом спокойствие.

Кажется, лежал бы так и лежал бесконечно. Но вот кто-то в соседнем купе начал шуршать пакетами, хлопать полками, собирать вещи. Чувствуется, что поезд еле заметно замедляет ход. Только тогда открываешь глаза, переворачиваешься на живот и, немного свесившись, смотришь в окно, а там... пригород чужого, явно большого, совершенно незнакомого города. Замирая, неустанно внимательно глотаешь взглядом здания заводов, дач, садов, ползущие вдоль рельсов, а дальше – дома побольше с пока ещё редким светом в окнах. Всё это составляет чьи-то скучные будни, но для тебя – непознанный, удивительный, интересный мир, новая жизнь, чужая и непонятная.

Вот, наконец, поезд останавливается в тисках платформ. «Свои» люди тут же растекаются в разные стороны, освобождая место для чужаков. Тогда ты лениво сползаешь с полки, обуваешься, немного подумав, берёшь с собой мастерку. Заходишь в тамбур, а затем по ступенькам – на твердый асфальт. Всё это время сам не замечаешь, как сдерживаешь дыхание. И, лишь коснувшись «живой» земли, делаешь глоток воздуха.

М-м... и медленно выдыхаешь.

Свежий, холодный после ночи, отдохнувший от дел воздух... и совершенно чужой. Сделав всего один глоток, один вдох жизни этого города, ты... нет, не понимаешь... ты ЧУВ-

СТВУЕШЬ ЖИЗНЬ ЭТОГО ЧУЖОГО ДЛЯ ТЕБЯ ГОРОДА. Выглянувшее из-за края солнце больше завораживает, чем греет. А ты дышишь и дышишь – глубокими, жадными вдохами и протяжными выдохами, желая как можно больше пожить другой жизнью.

Мне даже не понадобилось куда-то проваливаться или лететь, чтобы почувствовать – я нахожусь в другом мире. Достаточно сделать всего один вздох – и становится ясно: этот воздух не принадлежит моей планете. Причём я не могу сказать, что в нём есть что-то особенное – воздух как воздух: ни особых запахов, ни вкусов, ничего странного, но он точно чужой.

Кругом тоже всё было не так, как там, откуда я только что пришёл. Но другой мир (а то, что этот мир – «другой», я не сомневался) остался прежним с момента, когда его мне открыл Лёша. Ни света кругом. Снег не засыпал землю крупными хлопьями и даже слегка подтаял. Никаких следов людей, кроме пугающего стука металла из окон завода. Будка пропала, вместо неё я находился на территории чьего-то заброшенного участка. Изменилась разве что почва вокруг меня: на снежном покрове были выведены какие-то линии вроде тропинок, круги и пересечения, оголяющие землю, а сама «дыра» выделялась идеально ровным кругом, словно до меня здесь кто-то хорошенько поработал лопатой.

Кстати, Лёшина лопата, проглоченная «дырой», лежала рядом. Я зачем-то поднял её и воткнул в метре от себя. На-

верное, чтобы на обратном пути забрать инструмент с собой.

Ну, ладно, что теперь? Вот я, рубаха парень, оказался здесь. Вопрос номер один – ЗАЧЕМ? Сам знаю, что большинство людей страдают от тяжёлого психического и, к сожалению, часто неизлечимого заболевания, называемого СДПД – «сначала делаю, а потом думаю». Но за мной раньше такого не наблюдалось. Прежде я всегда, абсолютно всегда тщательнейшим образом продумывал все свои ходы наперёд, со всевозможными исходами. Отчего же сейчас я поступил, как болван? Не оттого ли, что в истории, «героем» которой я оказался, невозможно поступать иначе?! Слепым котёнком в кромешной тьме мне приходится постепенно продвигаться вперед, действуя наобум, строя догадки. Ох, как я этого не люблю! Ну, что сделано, то сделано. Алиса прыгнула, как её просил незнакомец, теперь всего лишь осталось найти кролика, а точнее буквоеда.

Для начала я решил добраться до вокзала. Во-первых, потому что он находится близко, а во-вторых, там я смогу осмотреться, попривыкнуть, понять хотя бы поверхностно, что к чему. Мне бы не хотелось бросаться в омут с головой, привлекая к себе излишнее внимание. Нужно быть аккуратным, чтобы не попасться.

В детстве я любил фантастику и перечитал множество книг, в том числе и о параллельных мирах. В большинстве из них строго-настрого запрещалось встречать себя самого.

Есть ли в этом зерно истины или фантасты ошибаются? Так я пришёл к выводу, что толком даже не знаю, как себя вести в этом мире. Нет, а на что вообще я мог надеяться?! Пока что наверняка я знаю лишь одно – мне очень страшно не вернуться обратно.

Я брёл, постоянно озираясь по сторонам, вдоль увенчанного колючей проволокой заводского забора. Мир вокруг меня был мрачен и пуст. Казалось, в нём не хватало светлых тонов и от этого городские пейзажи казались угнетающими, унылыми и полными опасностей. Снег под ногами – и тот был не таким, каким положено быть нормальному снегу.

Наконец я вышел к мосту.

– Ну, была не была! – подбодрил я сам себя и принялся подниматься по ступенькам.

На мосту никого не оказалось – оно и хорошо, мне пока совершенно не хотелось встретить кого бы то ни было из этого мира. Не зная, как люди здесь живут, во что одеваются, на каком языке говорят, сложно чувствовать себя уверенно.

Я уже добрался до середины моста, когда заметил, что, хоть здание вокзала и возвышалось там, где ему и положено, но путей рядом не было! Пришлось перегнуться через перила, чтобы хорошенько рассмотреть эту странность: перроны, навесы над ними и подземный переход были на своих местах, но вместо привычных рельсов виднелась идеально гладкая бетонка, над которой метрах в четырех висели плетёные металлические канаты, натянутые наподобие трамвайных. Что

такое?

Это на самом деле было удивительно! Когда глаза и ум привыкают к какому-то конкретному образу, а приходится видеть совсем другое, мозг напрочь отказывается признавать реальность происходящего. Отсюда и появляется ощущение, что явь, это никакая не явь вовсе, а странный сон, непостижимым образом заполучивший твое сознание в самом разгаре бодрствования.

Судя по всему, удивлюсь я ещё не раз. Лишь только стоило об этом подумать, как на мосту впереди я увидел что-то странное, какой-то неясный контур. Сначала я решил, что это идёт человек – издали и не различишь, разве что фигура слишком тёмная. По мере приближения я впал в ступор, как происходит всегда, в первые секунды появившейся угрозы. Мне навстречу неспешно вышагивал не человек, а лишь его очертания, полупрозрачный силуэт. словно тень без хозяина, неминуемо приближаясь, оно обретало форму и объём.

Лишь только оцепенение выпустило мои мышцы из оков страха, как я тут же помчался обратно к лестнице. Подбежав к краю и уже собираясь буквально спорхнуть вниз, я обнаружил, что и этот путь перекрыт: две фигуры бок о бок поднимались по ступенькам, сгибая свои призрачные колени. Бежать! Скорее бежать отсюда! Но куда? Я стал оглядываться в поисках выхода. Внизу за перилами, прямо под мостом были сложены металлические корпуса машин, с другой стороны – то же самое. Ближайшее дерево, до которого можно было по-

пытаться допрыгнуть и зацепиться за ветку, находилось метрах в четырёх от моста. Решение нужно принять незамедлительно – можно рискнуть и спастись, или, не допрыгнув до спасительной кроны, переломать себе все кости. Но уж лучше так, чем...

– По-осторони-ись! – послышался снизу деловитый наказ. Метнув на лестницу загнанный взгляд, я увидел, как спеша, запыхавшись и чуть не падая, вверх по ступенькам шустро семенит бабка, обвешанная тяжеленными котомками. Бодрый окрик, судя по всему, предназначался именно тням, что вынуждали меня спастись бегством.

Мои догадки подтвердились, когда женщина вместо того, чтобы без проблем обойти стороной, наоборот специально прошла их насквозь, громким голосом заключив:

– Нигде от вас спасу нет, надоеды. В туалете и то тут как тут!

Взлетев на мост, метеоритом промчавшись мимо меня, бабка вдруг остановилась возле другой тени, успевшей добраться до середины моста, резко обернулась и, обращаясь ко мне, громким, профессиональным бабьим надрывом продекламировала:

– Галубцы-ы, ка-атлеты, беля-аши нужны?!

Сквозь неё прошмыгнул силуэт. Она шагнула на шаг в сторону, чтобы «надоеда» не загораживал обзор.

Я всё не мог сообразить, что мне нужно ответить. Мозги напрочь отказывались соображать. Пауза затянулась.

– Ну и чёрт с тобой! – обиженно объявила она, и, развернувшись, кинулась дальше.

Со мной поравнялась тень... Я уже не испытывал бывшего страха. Скорее, меня одолевало любопытство.

Вблизи тени ещё больше походили на людей. Можно было без труда различить выпирающий нос, раковины ушей, губы, пальцы. Но всё это выглядело размытым, состоящим из тёмно-серого дыма. Я не удержался и коснулся тени. Абсолютно ничего – ни холода, ни тепла, ни, тем более, остатков чёрного дыма в ладони. Будто просто махнул рукой.

Повторив опыт с другой тенью,двигающейся со стороны вокзала, получил точно тот же результат – ноль.

Я смотрел на руку, пытаюсь хоть что-нибудь понять, когда ледяной ветер издали принёс приближающийся грохот. Я перешёл на другую сторону моста, чтобы увидеть источник шума. Вместе с нарастающим рёвом всё ближе и ближе становился яркий свет прожектора. Гудок. Ещё один. Поезд? Но откуда? Ведь даже рельсов нет!

На перрон вывалило множество народа – кто-то с цветами, кто-то нёс чемоданы. Когда состав сровнялся с платформой, из динамиков, приветствуя вновь прибывших, грянула неизвестная мне мелодия, по громогласности ничем не уступающая «Прощанию славянки».

Так вот куда спешила старая торговка!

Я направился по её следам – вниз к людям. Лишь стоило «поезду» притормозить, как я увидел странного механи-

ческого монстра. Это был тот же поезд, что и в моём мире, разве только «вагоны» были в форме сигар, а там, где должны находиться колёса – лишь плоское брюхо. С крыши вагонов отходили «рожки», крепко державшие натянутый канат – что-то вроде подвесной дороги. Полностью остановившись, гигант выдохнул пар и тут же плюхнулся на бетонку.

Я окунулся в пучину людского потока. На мгновение мне даже почудилось, что никакой это не «другой мир». Если не обращать внимания на странную машину, застывшую внизу, то вокруг всё, как дома: самые обычные люди встречали родных и друзей, радовались, обнимались под звуки раскатистого марша. И даже знакомая бабка, найдя клиента, без умолку нахваливала товар, то и дело перекрикивая музыку, и выкладывала дымящиеся котлеты.

Лишь десятки шмыгающих тут и там теней, не признавая преград и приличий, то вытекали в город, то обнимались, словно дразня «настоящих» людей, напоминали мне, где я на самом деле. Мне захотелось уйти. Это уже был не «мой» вокзал – не пахло мазутом, и сладкая сердцу музыка перестука железных колес тоже исчезла. Да, это вокзал, но точно не ЖД.

Осталось сделать последнюю дегустацию, сравнивая реальности, и можно возвращаться обратно. Осмотрю зал ожидания, и на сегодня хватит экспериментов с новым миром.

На втором этаже всё немного по-другому – кофейного автомата на месте не оказалось, сидения не пластиковые, а из

металла, хотя дизайном и схожи.

Я сажусь на своё место, и уже отсюда замечаю ещё пару расхождений: камера видеонаблюдения висит чуть правее обычного, да и сидение не такое удобное. Придирчивым взглядом рассматриваю лица людей. В зале всего человек пятнадцать. Такая же одежда, те же лица – местные жители ничем не отличаются от населяющих мой мир людей... по крайней мере, на первый взгляд.

Закрыв глаза, приваливаюсь к холодной стене «под мрамор» и пытаюсь прислушаться к своим ощущениям, но знакомый женский голос, объявляющий из динамиков о прибытии скорого поезда, не даёт сосредоточиться. Да ещё и здание трясётся в такт перестуку железных колес! Звонкий гудок! Что за чёрт? Здесь же нет путей! Я вскакиваю с места и в несколько шагов оказываюсь у большого выходящего к платформам окна, но не вижу никакого поезда. Лишь тот же самый состав, цепочкой выстроив причудливые вагоны, распластался на бетонке.

Тряска и грохот подъезжающего поезда не унимались. Ничего непонятно...

Немного подумав, решаю выйти к мосту через привокзальную площадь, дабы увидеть ещё что-нибудь интересное.

Лишь стоило выйти из дверей, как дорогу мне преградили вездесущие таксисты. Мужики в кожанках, сжимая плечи в попытке согреться, привычно зазывали:

– Такс-си... Такс-си... Кому такс-си?! Та-акс-си...

Я спустился по ступенькам и уже собирался проскользнуть мимо незамеченным, когда один из них возник неприступной преградой.

– Такс-си в город. Куда нужно? – маленький пухлый лупоглазик, лет на шесть меня старше, приветливо, насколько у него это получилось, улыбался.

– Нет, спасибо... – отказался я, и постарался обойти его, но тот стоял на своём.

– Недорого! С ветерком, а? Там... – он махнул неопределенно позади себя, – машин не поймаетшь.

– Нет-нет, спасибо. Я на автобусе, – попытался отмахнуться я, всё же сумев обойти настырного водителя.

Облегченно выдохнув, я зашагал к мосту (скорее обратно), но не прошёл и десяти метров, как таксист нагнал меня и, пристроившись справа, спросил:

– Послушайте, – раздражаясь, но сдерживая пыл, сказал я, – я же сказал, что...

– Ты – гость? – не слыша меня, повторил он. – Ты же не отсюда?!

– Если я вышел с вокзала, это не значит, что я не местный.

– Ты не местный, – уже совсем утвердительно констатировал прилипала. – Ты из другого мира.

Я остановился как вкопанный, а таксист улыбался:

– Ты же ни хрена не знаешь! Пойдем со мной, – и потопал обратно.

Меня хватило лишь на то, чтобы, обернувшись, глупо

смотреть ему в спину. Меня вычислили, и теперь я не знал, как правильно поступить.

– Пойдём, пойдём... – вполне дружелюбно позвал он. – Я тебе все по дороге расскажу.

– По дороге куда? – я нагнал его, и теперь шёл рядом.

– Сейчас... – таксист сделал рукой жест подождать, – Григорич, – позвал он зазывающего людей коллегу. Когда тот посмотрел на него, сказал, – Я тут гостя встретил. Пойду его отвезу, так что очередь не занимай.

Другой таксист согласно кивнул, внимательно меня оглядев, чтобы уже спустя секунду потерять к моей персоне всякий интерес и вновь приступить к поискам клиентов.

Мы прошли к стоянке, заполненной совершенно привычными автомобилями. Если что и отличало здешние машины, разве что чуть староватые модели и полное отсутствие иномарок – ни одной новехонькой «БМВ» или «Тойоты». Таксист провел меня к черной «Волге».

– Садись, – приказал он, открывая дверь. – Домой тебя повезу, гость.

– Домой? Мне не нужно домой!

– Ай, – нахмурился водитель, – ты сейчас не можешь вернуться в свой мир. Все по дороге объясню. Залезай.

Хотя у меня появилось множество вопросов, пришлось долго ждать, пока новый знакомый не «уговорил» свою развалюху завестись.

– Ты на автобусе себя выдал, – наконец заговорил он, вы-
руливая со стоянки.

– На автобусе? – удивился я.

– Да... у нас в стране их не делают, а на индийца ты не
похож. Вот я и догадался, что ты гость.

– Почему «гость»?

– Не знаю, – пожал он плечами. – Так у нас из параллели
людей называют.

– Из другого мира? – уточнил я.

– Да... Ты мне сначала адрес, где живёшь, скажи, а потом
– всё остальное.

Я назвал.

– Знаю такой... Ну, теперь можешь спрашивать, – вели-
кодушно разрешил таксист.

– А-а... м-м... – у меня было столько вопросов, но сейчас
они куда-то запропастились. В первую очередь, мне нужно
узнать, зачем он везет меня домой, о чём я и спросил.

Мужик усмехнулся:

– Ладно, давай я тебе все по брошюре расскажу. Многое
встанет на свои места. Если вкратце, у нас существует меж-
дународное соглашение с чётко оговоренными пунктами, на
каких условиях в нашем мире могут находиться «гости»: кто
за вас отвечает, что делать с неразглашением, и еще чёрто-
ва уйма ненужной бюрократии. Всего перечислять не стану,
главное, что после принятия соглашения каждый гражданин
стран-участниц должен знать назубок небольшую брошюрку

«О гостях и гостеприимстве». Слушай, вон она в бардачке. Ага, уголок торчит. Можешь сам всё прочитать, чтобы мне не повторяться.

– Уж лучше ты сам расскажи... – мне хотелось поговорить с человеком, а не читать холодный текст.

– Ну, я всё равно рассусоливать не буду и своими словами, если можно...

– Да-да, конечно, – может мне показалось, но таксист действительно считал, что именно я здесь ставлю условия.

– В общем, ты... кстати, как тебя зовут?

– Андрей, – представился я.

– Оч-ч приятно! Михаил, – протянул он руку, которую я с радостью пожал. – Ты, Андрей, «гость». Так у нас называют людей из другого мира...

– Из любого?

– Он только один, – с интонацией профессора вразумлял меня Миша.

– С чего бы это? Если есть одна параллель, значит, должно существовать бесчисленное множество других, – предположил я, вспомнив статью из Википедии, на которую наткнулся как раз перед путешествием.

– Да я тоже это понимаю, – сдался таксист, – но у нас на официальном уровне доказано существование только одного мира. И то лишь потому, что благодаря ему мы и живём. А так бы власти и дальше его не признавали. Хотя все давно знают о гостях.

– Михаил, а что ты имел в виду, когда говорил «мы живем благодаря другому миру»?

– Просто наши реальности каким-то образом сильно взаимосвязаны, сливаются, словно сиамские близнецы.

– «Сливаются»? – вещи, которые говорил мужчина за рулём, были для него очевидными, а для меня совершенно непонятными. Вот и приходится постоянно уточнять, переспрашивать.

– Ну, как бы наслаиваются друг на друга, местами очень плотно пересекаясь. Некоторые явления нашего мира прорываются в ваш. Но это, скорее, редкость. Зато ваш мир проявляется в нашем постоянно.

– Например?

– Допустим, фантомы... Бьюсь об заклад, что ты, увидев их, чуть не обделался! – заулыбался таксист.

Я не сразу понял, о чем или о ком он говорит.

– Ты имеешь в виду эти тени на вокзале?

– Да, – кивнул Михаил, ловко поворачивая руль. – Они и есть продукт слияния наших миров. В некоторых местах, там где связь особенно крепка, а у нас это чуть ли не большая часть города, появляются фантомы...

– И что они такое?

– Это всего лишь отражение ваших частиц.

– То есть, когда я у себя там сижу на вокзале, здесь кто-то видит мой фантом?

– Именно! – подтвердил водитель, не отвлекаясь от доро-

ги.

Меня даже немного раздражало, с каким спокойным равнодушием он говорил о подобных чудесах.

– И никого это явление не пугает?!

– А чего пугаться? – Михаил пожал плечами. – Фантомы безобидные и совсем не мешают. Чего ты так удивляешься? Они же у вас тоже есть.

– Нет, – откуда у нас взяться фантомам...

– Кажется, вы их призраками называете и считаете духами умерших, а на самом деле это всего лишь кто-нибудь из нас случайно прошёл по фантомной территории, так называемой «зоне проявления».

– Миша, откуда тебе столько известно? Из брошюры? – я открыл сложенный вчетверо фиолетовый листок, чуть больше альбомного, стараясь разобраться в мелком шрифте.

– Не-е... – протянул таксист, – там этого нет, можешь не искать. Канал «Дискавери» – вот где все ответы. Он у вас тоже есть. Знаешь, какой у канала лозунг? «Транслируем на два мира» – здорово, правда? По будням с восьми до девяти идет одна из самых натуральных у нас передач – «Мир фантомов». Там как раз и рассказывают про различия и сходство наших миров. О том, как вы пытаетесь разгадать очевидные для нас вещи. Бывает забавно понаблюдать за потугами ваших учёных. Тем более, что ваши тайны у нас давно разгаданы, но ваши правительства не хотят озвучивать наше существование...

Я слушал, впитывая любую информацию, каждое слово, как губка – воду.

– Вчера, например, рассказывали о различиях в географии. Наши «Земли» не сильно-то и разнятся. Так, мелочь всякая, типа Байкал у нас больше, в Японии некоторых островов нет, да город Можайск Пердищенской области должен на пару кэмэ западнее находиться. Единственное крупное отличие – это континент между Африкой и Южной Америкой. У нас есть, у вас – нет.

– Континент?!

– Ага... Он иногда проявляется фантомом в вашем мире. Вы его, кажется, Атлантидой зовете, и всё ищете, ищете... да не там! Он у нас под боком, – захохотал Михаил.

– Да уж... – я потёр руки. «Волга» совсем не грела.

– Это ещё мелочи! А вообще в пограничье двух миров жить намного интереснее, чем в одном.

– А почему ты сказал, что я не могу сейчас вернуться в свой мир?

– «Колодцы» пропускают только в одну сторону – ты через него пришел, но вернуться не сможешь! Нужен другой «колодец».

– Почему? – я не на шутку встревожился. Хотя этот мир был почти полным двойником родного мира, мне не хотелось здесь оставаться.

– Я что, должен всё знать, раз здесь живу?! Моя гражданская обязанность – лишь проводить «гостя» до его кварти-

ры, отдав в руки брошюру.

– Это был просто вопрос, – попытался я примириться, так и не поняв странной реакции Михаила.

– Ну не знаю я. Знаю лишь, что «колодец» – это ход в одну сторону. Одностороннее движение, понимаешь? Чтобы вернуться, нужно прямиком отправиться в мэрию, где тебе выпишут разрешение и сопроводят к нужному «колодцу». А так как уже поздно и ни одно госучреждение не работает, я тебя везу домой, чтобы ты мог там переночевать.

– А-а... моя квартира мне принадлежит? Или там мой прототип живет?

Михаил с улыбкой глянул на меня. Ему мой вопрос показался забавным.

– Нет, здесь твоя квартира может принадлежать другому хозяину. Да и вообще её может не быть. Или дом внутри и снаружи может иметь совсем другую планировку... Да многое может быть не так. Главное, что живущие по адресу твоей прописки люди обязаны принять гостя на срок не более двух суток. Такой закон есть! А насчет двойника, можешь не бояться – ничего ни с тобой, ни с ним не случится. Просто посмотрите друг на друга, как два брата близнеца. Вы хоть и похожи, но разные люди. Хотя тебе навряд ли удастся повстречать своего... хм... прототипа.

– Почему? – честно говоря, мне было бы любопытно пообщаться самому с собой.

– Все просто! Для формирования двух идентичных лю-

дей у них должны быть идентичные родители, знакомство которых должно произойти в идентичных экономических, географических, социальных, политических и других «ических» условиях.

– Это так важно?

– Подумай сам, – с явным удовольствием продолжал меня учить Михаил. – Чтобы ты родился, твои родители, опять же, к примеру, должны были встретиться на практике в университете. А если у нас до сих пор школ нет, откуда тебе взяться?

– У вас нет школ?! – это было ужасно.

Таксист цокнул языком и обреченно помотал головой, недовольный глупостью собеседника.

– Есть у нас школы! Я просто пример привёл.

– Странно. На первый взгляд наши миры не так уж сильно и отличаются.

– Это на первый взгляд. До начала первой четверти семнадцатого века так и было...

– А что случилось потом?

Михаил на несколько секунд перевел свой тяжёлый взгляд на меня:

– По-моему в Англии вышел закон «О монополии», по которому начали выдавать патенты на изобретения. Только вот вместо того, чтобы изобретать своё, люди повадились нырять в ваш мир и воровать идеи изобретений. Так ведь легче – взял чужое, запатентовал – и готово... и даже свои

мозги не нужны. Докатались до того, что сами государства стали выкупали патенты, чтобы новшества пускать в производство. Причём право обладания на изготовление изделий имеет лишь лицо, владеющее патентом.

– Вот как вы узнали что я – «гость»? – догадался я. – Россия не имеет прав на изготовление автобусов?

– Именно так. Индийцы первые запатентовали общественный транспорт на двигателе внутреннего сгорания.

– А эта «Волга»? – удивился я.

– На электричестве...

– Но это же абсурд! Почему правительства стран не могут обмениваться или продавать принадлежащие им изобретения? Всем это пошло бы только на пользу!

– Да я и сам это понимаю, и все понимают, но вот сделать ничего не могут. Просто наш мир находится в подобии вашей «холодной войны». Только вместо гонки вооружений происходит гонка украденных технологий – у кого больше, тот и лучше.

– Но зачем?!

– Ну, вот опять ты задаёшь мне непосильные вопросы. Наверное, как и в любом мире, власть – самый сильный наркотик, за который «больной» способен продать даже близких людей, не говоря уже о своём народе. По телевизору только и слышно, как страны ведут бесчисленные тяжбы и даже войны за изобретения.

– Не по-ни-маю... И что, одна страна может запретить ис-

пользование технологии всем остальным?

– Да. Обладатели патентов, конечно, продают возможность пользоваться технологией, но чаще просто сдают в аренду – и то за баснословные деньги! В нашем мире лишь единственное государство может позволить себе купить любой патент.

– США? – догадался я.

– Не-а... Китай. У них есть всё – это самая развитая страна в мире. И автобусы, и мобильная связь, и спутниковое ТВ, и даже выращивание марихуаны. Да что там: у них во всю мощь используются генераторы энергии на воде!

– На воде? – я чувствовал себя Незнайкой на луне.

– А как же! – с видом знатока подтвердил он. – Это изобретение можно считать самым главным после колеса. Холодный ядерный синтез воды был открыт у вас сразу после Второй мировой. Насколько я осведомлен, эта технология в вашем мире под запретом.

– Нефть? – понял я.

– Наверное. Тебе лучше знать.

– Так у вас нет поездов именно из-за патентов? – я решил выдвинуть своё предположение.

– Как нет? Ты же сам только что с вокзала.

– Я имею в виду те, что передвигаются по рельсам...

– А-а... Железная дорога Канаде принадлежит. Поэтому мы производим скоростной транспорт на воздушной подушке.

Новый мир мне нравился всё меньше и меньше.

– Как же вы живёте?

Михаил фыркнул:

– Не все законы одинаково полезны! Если что-то запатентовано, это не значит, что «продукт с хозяином» нельзя производить и пользоваться. Можно, но только чтобы никто не видел и мамка не заругала. Китайцы самый большой поставщик таких вот «пиратских вещей». Они скупают патенты для использования внутри страны, а сами штампуют копии на экспорт. Благодаря созданному ими чёрному рынку наш мир и живет. Официально радио принадлежит Израилю и куплено Китаем на 20 лет...

Михаил залез рукой куда-то под руль. Раздался щелчок, и тут же салон заполнил бойкий голос диктора.

– ...а слушаем и мы. Главное, чтобы тихо. Правительство «вроде как бы» преследует пиратство, но на самом деле понимает – без него экономика и жизнь людей скатятся в ... В нашем мире все делают вид, будто ничего не происходит, играя роли.

– Думаю, в этом наши миры не отличаются, – невесело усмехнулся я.

Он замолчал, и в салоне кроме, «голоса из ниоткуда» никто не произносил ни звука. Мы уже повернули на Яблочный проспект – длинная улица как раз завершалась поворотом к моему... к нужному дому. Ехать оставалось минуть семь.

– Тебе только кажется, что мы живем абсурдно. У нас есть

многое, чего вам не хватает. Наши туристы и исследователи параллели...

– Туристы? – это что-то новенькое.

– Ну да. Нам официально разрешено путешествовать в вашем мире. Правда стоит это очень, очень дорого. Как если сравнивать с космическим туризмом.

– Ого! – я представил те суммы.

– Ну, немного меньше, конечно. Но однозначно, это удовольствие не для бедных. Сначала нужно получить разрешение у вашего правительства. Они приставят слежку...

– Зачем? – мне были не совсем понятны такие меры предосторожности. – Чтобы не сбежали? Не эмигрировали?

– Скорее, чтобы не разболтали.

– А разве не любой желающий может перебраться из мира в мир? Как, например, я это сделал.

– Не так всё просто! По какой-то причине у вас в сотни раз больше «колодцев» ведущих к нам, чем от нас к вам. Наши колодцы буквально по пальцам можно пересчитать. Поэтому, если у вас они спрятаны кое-как и почти не охраняются, то у нас они под жёстким контролем. Ведь «колодцы» не могут пропускать сколько угодно людей. После каждого прошедшего сквозь них живого существа требуется передышка. Поэтому у нас достать разрешение на прыжок не так-то и просто. Куда поворачивать? – Я показал. Михаил заехал между домов и остановился, безошибочно выбрав мой подъезд. – Ты когда из «колодца» вышел, ничего вокруг себя не

заметил?

– А что я должен был заметить?

– Узоры. Когда пересекаешь границу миров, на выходе из «колодца» на земле образуются огромные узоры, вблизи похожие на пересечение линий на земле, а сверху, с высоты, выглядящие как соединенные причудливым образом круги.

Я сразу вспомнил загадочные круги на полях. Их создание масс-медиа всегда приписывали пришельцам, а всё оказалось немного иначе, вот и разгадка...

– Пока эти узоры не «пропадут», не исчезнут, «колодцем» пользоваться нельзя – всё равно не пропустит. Это может длиться от нескольких часов до месяцев – у каждого КПП свой временной промежуток восстановления. У нас этим свойством контрабандисты пользуются.

– То есть?

– Ну, не все же «колодцы» государству принадлежат. Некоторые ещё только находят. Есть тайные, о которых знают и пользуются обычные люди, становящиеся охотниками за изобретениями в вашем мире, чтобы продать их здесь. Это очень распространенный и прибыльный бизнес. Хотя, не скрою, порой опасный. Раздобыв у вас хорошее изобретение, можно в одночасье стать миллионером. Именно поэтому многие вещи нет в вашем мире, но есть у нас. Вот так.

– Да уж...

– Но и это не самое интересное, – Михаил получал своеобразное удовольствие, удивляя меня. – У нас раньше такая

услуга практиковалась – оживление погибших родственников.

– Это каким-таким образом?

– Очень просто! Допустим, погибает близкий человек и кто-то очень сильно страдает. Тогда появляются парни, похожие на бандитов, и предлагают «воскресить» родственника. Естественно, за огромные деньги.

– И что, действительно воскрешают?

– Ну, – Михаил задумался, подбирая верные слова, – и да, и нет... Да – так как спустя какое-то время к тебе домой приводят точную копию родственника. Нет – потому что никто его не воскрешает из мёртвых, а просто похищают в твоём мире и переправляют сюда. Конечно, при условии, что в вашем мире живёт альтернативный погибший. Если же его никогда не существовало или он к этому времени уже погиб... Сам понимаешь.

– И что, этот бизнес до сих пор процветает?

– Намного в меньших размерах, и только с детьми моложе подросткового возраста.

– Почему такие ограничения? – не понял я.

– А представь, что ты уже вполне взрослый человек, привыкший к определённой укладу жизни, правилам поведения, техническим благам... Как вдруг непонятно каким образом оказываешься в «сошедшем с ума» мире. Тебя окружает вроде и тот же самый мир, а вроде и другой. Людям просто крышу сносит. Лишь один из десяти адаптируется,

остальные в психушку попадают.

– Неужели это такой мощный удар по психике? Я же в норме, – не согласился я.

– Ты в норме, потому что самостоятельно пришёл сюда и ожидал возможных отличий между мирами. А закинь тебя сюда без объяснений, ты бы наверняка решил, что совсем спятил.

– Но ведь можно было и объяснить, где они.

Михаил засмеялся:

– Как ты себе это представляешь? «Здравствуй. Мы тебя украли в параллельный мир, так как очень скучали по нашей погибшей тёте. Теперь ты будешь вместо неё. И фиг с ним, что в твоём мире близкие, родственники и полиция сбились с ног в поисках тебя!». Так?

– Н-да, звучит абсурдно, – наконец, признал я, решив больше не лезть со своими предположениями.

– Лишь дети более-менее адаптируются. Они ведь не знают, как должно быть «правильно», вот и подстраиваются под меняющиеся обстоятельства намного легче. И то они замечают, что мама и папа немного, а, может, и сильно поменялись заодно с окружающим миром. Так или иначе, всегда остаётся большая вероятность, что у «оживших мертвецов» могут вспыхнуть мозги. Поэтому все поменявшие место жительства с того мира на этот, должны пройти курс терапии у парапсихолога...

– Это тот, что всякие необъяснимые вещи и сверхспособ-

ности изучает?

– Нет-нет, – хмыкнув, покачал головой таксист. – Это у вас они «изучают». А в нашем мире парапсихология – часть научной психологии, исследующая адаптацию и различия психики в параллельных мирах, – выштудированно, словно по шпаргалке, выдал Михаил.

– Канал «Дискавери»? – догадался я.

– Так точно!

Теперь мне настала пора вздохнуть.

– Тяжко, ой как тяжело все это укладывается в голове! – пожаловался я.

– А я и не говорил, что будет просто. Но то, что я успел тебе рассказать – лишь малая толика моего мира.

– Неужели может быть ещё что-то? – воскликнул я.

– Эх-х... Ты даже не представляешь. Когда с магией столкнёшься...

– С чем?! – я скривился, не веря своим ушам.

– Потом расскажу. Вот мой номер, – Михаил протянул мне визитку. – Если нужен буду – звони. Но и зря не беспокой.

– Я что-нибудь тебе за доставку должен? – вежливо спросил я, стараясь сдержаться, чтобы не начать умолять о продолжении разговора.

– А что ты можешь мне предложить? Деньги ваши нам не подходят. Иди уже... – по-дружески попрощался новый знакомый.

Мы пожали руки.

— И помни, — сказал Михаил, когда я уже выбрался из машины. — Ты — «гость» из мира, благодаря которому мы и существуем. Не знаю, кто ты у себя, но здесь ты можешь получить даром почти любую услугу. Нам твёрдо внушили, что мы вам обязаны всем.

По ступенькам я поднялся на свой этаж, подошёл к двери-близнецу нужной квартиры и... так и застыл.

«Здравствуйте. Я «гость» из другого мира. Впустите переночевать. Это моя квартира», — я совершенно не представляю, как буду говорить эти слова. Мне кажется, они вообще вряд ли смогут вырваться за пределы моих губ. А что, если никого нет дома? Попроситься к соседям? Была не была! Я нажал на звонок, но никакой реакции не последовало. Попробовал ещё несколько раз оживить сломанный механизм, но опять без толку.

Пришлось стучать, но результат оказался прежним. Дома никого не было. Неужели придётся идти к соседям?

Не больно ожидая хоть какого-нибудь эффекта, я дёрнул ручку, которая (вот чудо) с лёгкостью поддалась. Ну, конечно, зачем выдумывать какие-то трудности, если все элементарно? Дверь открыта, стол накрыт, кровать постелена, а Баба-Яга топит печь.

Петли издали знакомый пронзительный скрип. В коридоре темно, но в комнате горит свет. Значит, дома кто-то мо-

жет быть.

Аккуратно ступая, чтобы сильно не шуметь, я старался хоть что-нибудь разглядеть в коридоре. Чувствовал себя полисменом из американского боевика, пробравшимся в дом к преступнику. И, чтобы не нарушать законы жанра, громко спросил:

– Есть кто-нибудь?! Хозяи-ин?!

Но в ответ – ни звука. Я мельком заглянул в освещённую комнату – никого. Затем кухня, ванная, туалет – тоже самое. Тогда я прикрыл за собой дверь... просто прикрыл, чтобы хозяин мог спокойно вернуться и застать у себя в гостях постороннего человека. Если мне не повезёт, дело может обернуться скверно. Интересно, почему власти, столь расположенные к чужеземным «гостям», не могли предоставить мне гостиничный номер, а обязали законопослушный народ принимать у себя незнакомцев?

Уже немного поуспокоившись, я прошёл в комнату, собираясь присесть где-нибудь на виду, чтобы дожидаться хозяина. Стоило зайти и осмотреться, как... БАТЮШКИ МОИ! По полу были разложены мои оставленные в том мире черновики. Только здесь лежали не сами листы, сделанные из бумаги, а их туманные фантомы. Словно на полу просто лежит несколько прямоугольных теней. При этом все буквы, каждое слово (словно вышитое белой нитью) можно с лёгкостью различить. Я попытался поднять «листы», но, как и в случае с фантомами на мосту, моя рука прошла сквозь них

– тени никак не реагировали на мои прикосновения.

– Это всего лишь проекция... иллюзия, – слышался голос из-за моей спины. Я резко обернулся, стараясь унять бешеный стук сердца.

В проёме, дружелюбно улыбаясь, стоял молодой человек. Высокий худощавый парень, на вид лет тридцати. Длинные вьющиеся волосы смолянисто-чёрные. Острый нос и выдающиеся скулы... Но всё внимание привлекали глаза: ещё более чёрные; чарующий взгляд, отточенный лезвием опыта – он необычайно, просто божественно красив. Мне приходится сделать немалое усилие над собой, чтобы перестать им любоваться: определённо, его внешность обладает силой притягивать, сравнимой разве что с лучшими произведениями ювелирного искусства.

– Я... – попытался найти подходящее объяснение непрошеного визита, но он сделал лишь знак рукой, мол, не надо.

– Я знаю, кто Вы, Андрей Иванович. Я как-никак около полугода каждый день наблюдаю Ваш фантом. Поэтому даже по строению тела смогу Вас узнать.

– А Вы?

– Игорь, – представился мужчина. – Ваш сосед по комнате.

Он подошёл ко мне, протягивая руку. Затем после крепкого рукопожатия сел на кровать, словно позволяя осмотреться и привыкнуть, молча глядел в сторону, будто задумавшись о чем-то своём. Я подметил, что мебель, хотя немного и отли-

чается от той, что стоит у меня, полностью дублирует расположение в моём мире.

– А я вот думаю, куда Вы запропастились? Вас всё нет и нет, а я преданно жду продолжения истории, – улыбается Игорь выверенной до миллиметра обаятельной улыбкой.

– Какой истории?

– Ну как же, о пропавших буквах, – кивком он показывает на фантомы листов. – Я Ваш большой поклонник. Все написанные Вами истории, что я имел честь прочитать, произвели на меня большое впечатление. Причём каждый раз они не перестают меня удивлять.

– Спасибо, – смутился я, как бывает каждый раз, когда меня хвалят. – Только ничего страшного, если я сегодня останусь у Вас? А то мне сказали...

– Не смейте беспокоиться, Андрей Иванович! Приму Вас как лучшего друга. Я поступил бы так, не будь даже этих дурацких законов «О гостеприимстве». Ведь мало того, что я восхищаюсь Вашим талантом, так ещё и моя жизнь в какой-то степени зависит от Вас. Хотя об этом позже. Может быть, Вы хотели бы перекусить или поужинать? Борщ с рюмашкой? Как Вы на это смотрите?

Игорь говорил со старомодно-учтивыми интонациями, будто мы сидели не в однокомнатной квартире, а в огромном зале дворца, но при этом у меня не возникало ни малейшего ощущения фальши или наигранности. А я очень чуток к таким вещам.

– Если можно, кофе с бутербродами. Сильно есть не хочу, но и пополнить желудок чем-нибудь надо, – принял я приглашение.

– Конечно, – Игорь поднялся и отправился на кухню. Загремел, зашебуршал, защёлкал ножом по доске. От одних этих звуков захотелось съесть всё, что он приготовит.

Комната, как я уже говорил, и расположение мебели в ней полностью совпадали с моей. Разве что у стены стоял невысокий, доходящий мне до груди книжный шкаф, весь уставленный книгами. Судя по корешкам, здесь было, по меньшей мере, десять разных языков. Интересно, кто этот Игорь такой – ученый, полиглот, любитель? Хотя, вполне может быть, он снимает эту квартиру, так же, как и я, и все эти книги достались ему от прежних хозяев ненужным балластом.

– Игорь, скажите, Вы квартиру снимаете или она принадлежит Вам? – спросил я громко, чтобы он мог слышать на кухне.

– Снимаю, – отозвался хозяин. – А у нас по-другому и не получится.

И, уже зайдя в комнату с подносом (на нём красовались чашки и тарелка, полная снеди), продолжил:

– В нашем мире всё имущество принадлежит государству.

– То есть квартиру нельзя приобрести в собственность?

– Нет. Всё жилье сдаётся внаём.

– Хм... И когда я решил переехать жить в другой город...

– Вы просто собираете вещички, оставляете квартиру для

других жильцов, а сами арендуете у государства другую, – закончил он за меня. – Количество комнат, метраж и расположение зависит от заработков семьи.

– Но это же ужасно! – не сдержался я, совершенно не представляя, как можно жить, не имея собственного дома. Я спокойно снимаю квартиру в очередном городе, зная, что в Питере меня ждут родные стены.

– Ай, все уже привыкли. Кто хочет, тот поколениями снимает одно и то же жилье, а кто нет – сразу же переезжает в более просторные хоромы, получив прибавку к жалованию. Лично для меня быть не привязанным к месту очень удобно.

– А Вы, Игорь, учёный? – озвучил я, казалось бы очевидную вещь, на что Игорь учтиво улыбнулся.

– И да, и нет.

– Уж слишком часто в вашем мире я слышу эту фразу.

– Какую? – не совсем понял он.

– «И да, и нет».

– Это потому, что Вы здешнее мироустройство пытаетесь засунуть в привычные для Вас рамки. Но это невозможно. Вы, скорее, ищете различия между нами, думая, что в целом мы похожи.

– А разве не так?

– Увы. Поверьте, если бы Вы, Андрей Иванович, искали схожие черты, первоначально предполагая нашу разность, Вам было бы намного проще адаптироваться здесь, – уверял Игорь.

После его слов и того, как он говорил, не осталось никаких сомнений – этот человек учёный. О чём я ему и сказал. Но он лишь вздохнул:

– Ну, вот видите! Вы мыслите мерками своего мира. Я учёный не в том смысле, что образован и много знаю, а в том, что «исследователь-первооткрыватель», но это лишь отчасти. Вы определили моё звание, видимо, по той полке с книгами? «Наверное, только учёному человеку свойственна потребность знать такое количество языков» – решили Вы. Верно?

– Верно! – поразился я его проницательности.

– Только если б Вы хоть немногим больше знали о нашем мире, то, в первую очередь, заподозрили бы меня в занятиях магией.

– То есть... Игорь, хотите сказать, что Вы – маг? – усмехнулся я. Нет, я, конечно, помнил об упоминании Михаилом магии, но тогда я решил, что таксист просто попытался надоесть мной подшутить. И, несмотря на подтверждение Игорем слов Михаила, мне всё равно слабо верилось. Странная патентная политика – пусть так, но магия...

На мой вопрос Игорь сдержанно кивнул, мол, да, я – маг.

– Тот самый волшебник, который читает заклинания, управляет волшебной палочкой, разгуливает по улицам в забавной конусообразной шляпе и варит кошек в котле? – уточнил я, стараясь оставаться серьёзным.

Игорь засмеялся, но не обидно. Было заметно, что его на

самом деле развеселило моё представление о магии.

– Нет-нет, что Вы. Если сварить кошку, получится лишь варёная кошка. Волшебной палочки в Вашем понимании не существует, а вот заклинания я не читаю, а пишу.

– Пишете? – зачем-то переспросил я.

– Как Вы могли заметить, Андрей Иванович, наш мир более зыбок, нежели ваш. У нас границы между материей и энергией прозрачны, а кое-где и вообще стёрты. Вы это даже сейчас можете видеть, – он указал на тени листов на полу. – Ваш мир более толстокож, поэтому многие вещи вы попросту не видите, хотя они и существуют. И оба наших мира подчиняются одним и тем же законам. Потому, что Вы не видите, но чувствуете воздействие этих невидимых сил, Вы можете верить в них или нет. А мы видим и знаем, что это существует. Если раньше мы приписывали всё это божественным силам, то сейчас, с развитием сознания и науки, остаётся лишь понять и изучить эти чудеса.

– Как с молнией? В древности люди считали её проявлением Божьего гнева, пока не открыли электричество.

– Именно! – Игорь радовался моей понятливости, хотя таксист на неё только и делал, что жаловался. – Наша наука направлена не на развитие технологий, так как нам достаточно их заимствовать у вас, а на осознание и заимствование таинственных сил. Поэтому так называемая «магия» в нашем мире никак не стоит на уровне с вашими гадалками и ясно-видящими. У нас это официальная область научных знаний.

Я, например, работаю в ИМИВМ – Институте Магических Исследований и Высших Материй.

– Действительно, как-то с трудом всё в голове укладывается...

– Понимаю, – Игорь сочувствующе развёл руками. – Из-за этого дурацкого патентования по техническому прогрессу наш мир уступает вашему, зато магия нам даёт очень многое в быту и не только. Благодаря ей наше общество смогло решить многие проблемы.

– Значит, сейчас я разговариваю с настоящим магом? – спросил я, скорее, для самого себя.

– Не обессудьте, – вежливо подтвердил Игорь. – По сути, я физик. Только физик той области, которой у вас пока нет, и вы только сейчас пытаетесь доказать её существование. Нас обязывают внимательно следить за всеми исследованиями, происходящими на вашей Земле. Американцы даже журнал выпускают «Физика двойной Земли». Кстати, в прошлом номере один доктор написал, что технический уровень вашего мира достиг своих высот, когда вы стали способны подойти вплотную к альтернативной физике, затронув волшебство.

– Что вы имеет в виду?

– Женевский коллаيدر, например. У вас много подобных исследований, но, даже когда вы поймёте устройство мира, благодаря этим открытиям они нескоро доберутся до обычных людей.

– Почему?

– Потому что все ваши представления о мире враз станут иными. Хаос, паника и даже войны – неотъемлемые части трансформации мира. Людям будет тяжело перестроиться, и общество какое-то время будет «болеть», стараясь пережечь чужеродный информационный вирус, пока, наконец, не смирится с реальностью волшебства. Поэтому, даже если правительства и решат информировать граждан, то будут делать это очень маленькими порциями. И правильно сделают, потому что наш мир в своё время чуть не развалился пополам.

– Да что же там такого необычного?! – недоумевал я.

– Ну, например, научное доказательство существования Бога – единого для всех. Сейчас различия религий в нашем мире носит скорее номинальный характер, культурный. А тогда – что Вы! Фанатики чуть было не взорвали всё к чертям! Мы многое доказали: существование души, её бесконечное переселение из тела в тело, высшие слои мироздания...

– Это где ангелы живут? – уточнил я.

– Именно. И многое-многое другое: порча, энергетика, проклятия и заклинания... Не говоря уже о параллельных вселенных, левитациях и телепортации.

– Может, ещё и фаерболы существуют? – пошутил я, на что Игорь вполне серьезно подметил, что не совсем так, как я имею в виду, но они существуют.

– И всё это вам ещё предстоит открыть и доказать!

– Но если здесь вы так далеко продвинулись в обоснова-

нии духовных составляющих жизни, этот мир должен быть совершенным! – воскликнул я. – Никто не станет убивать, воровать, обманывать...

– Глупости! – оборвал мой восторг Игорь. – Не забывайте, что в любом из миров человек остается человеком – за редким исключением, ленивым, скучным существом, держащимся за собственные пороки, как за спасательный круг. Все знают о вреде курения, но лишь единицы бросают курить. Так с чего Вы взяли, что, узнай люди наверняка о существовании души, хоть кто-то кинется её очищать? С доказательством Бога наше общество поменяло убеждения, но не свою суть. У нас, как и прежде, духовность – это, в первую очередь, способ заработать, и только потом забота о душе. – Игорь явно знал, о чём говорил. В его голосе и словах слышались железные нотки уверенности, которые могут появиться лишь у человека опытного. Несложно было увидеть искреннее сожаление об истинной сути людей. – Но, несмотря на то, что даже благие знания, как обычно, пытаются использовать в качестве оружия и средства коммерции, я рад быть физиком. Как ни странно, но для меня наука – это не только способ узнать материальный мир, но и часть духовного пути. В нашем мире наука и вера неразрывно связаны и дополняют друг друга.

Мне вспомнились Лёшины слова про физику. Боже, это же настоящий гений! Ведь он предчувствовал, что «у всех этих формул есть лишь составляющая материально мира и

не предусматривается иное... духовное» – кажется, так он рассуждал. Если бы не исчезновение Сергея, то этот спокойный мальчишка-мент вполне мог бы стать первооткрывателем новой физики!

– Скажите, Игорь, а можно ли найти здесь человека, который попал сюда давно, будучи ребенком?

– Насколько давно? – уточнил маг-ученый.

– Ну, лет пятнадцать назад... – я приблизительно прикинул, как давно Сергею было десять лет.

– Можно, но только если он пришёл через открытый портал.

– «Колодец»?

– Портал, колодец, кротовая нора, гравитационная дыра, яма, разрыв, разлом в слоях – как ни называй, суть останется. Если Вы кого-то хотите найти, можно пойти в мэрию – сделать официальный запрос, но это будет долго и не всегда эффективно. Лучше сделать это через «посредников»...

– Это кто?

– У нас очень большой чёрный рынок товаров и услуг из-за...

– Патентной политики. Мне немного рассказывали, – перебил я.

– Вот и славно, значит, легче будет объяснить. Посредниками называют тех, кто связан с чёрным рынком – продаёт, узнаёт, помогает. В нашем обществе это уважаемые люди: ведь без них жить было бы намного сложнее. В центре им

отведен целый квартал. Выходите на «Поисковика» – он всё, что угодно разведает.

– Это как в Интернете!

– А как в Интернете? – Игорь не знал.

– Ну «Яндекс», «Рамблер»... – перечислял я знакомые поисковые системы, но ему это ни о чём не говорило.

– У любого человека в районе спросите, где расположен поисковик, он поможет найти, что и кого захотите.

– Понятно.

– Только с самого утра идите в мэрию, чтобы получить разрешение на возвращение к себе. А то эта процедура около восьми часов занимает. Чтобы вечером были уже «дома».

– Игорь, спасибо большое, – искренне поблагодарил я за гостеприимство.

– Не за что. Это мой гражданский долг, да и сам я рад пригодиться такому талантливому писателю и приятному собеседнику. Тем более, – продолжил он после короткой паузы, – я нуждаюсь в Вашей помощи не меньше, чем – Вы в моей.

– Чем же я Вам могу быть полезен?

Сидящий передо мной человек явно не принадлежал к категории беспомощных, и я совершенно не представлял, чем мог его поддержать.

– Видите ли, – аккуратно и мягко, словно крадущаяся кошка, начал он, – в этой квартире я оказался неслучайно. Вы могли подумать, Андрей Иванович, что я здесь живу...

– А разве нет? – удивляюсь я.

– Нет. Это жилище что-то вроде моей рабочей мастерской, где я собираю необходимый материал, провожу исследования. Эту квартиру специально снял для меня мой институт, потому что в ней поселились Вы, естественно в своем мире.

– Я?! А я-то здесь при чём?! – я вправду недоумевал.

– Очень даже «при том», – обаятельно улыбнулся Игорь. На мгновение мне даже показалось, что я его раскусил – совершенная улыбка на лице неземной красоты действовала на собеседника, словно гипноз, обезоруживая даже самого опасного и заклятого врага. – Вы же писатель.

– Журналист.

– Нет, Андрей Иванович, Вы – писатель. Причем не просто, а настоящий, что является большой редкостью в обоих мирах.

– Я журналист, – почему-то упираюсь я, сам не понимая откуда-то появившейся принципиальности.

Он вздыхает, и, будто смирившись с неизбежным, решает объяснить малышу простые истины:

– Доказать в два счета?!

Я согласно киваю.

– Журналист – это тот, кто говорит о насущных проблемах общества, так? Вы, может быть, и описываете истории «человечности» реально существующих людей, но все истории пропускаете через себя и пишете, отдавая энергию – часть души, если угодно.

– Не вижу разницы, – хотя она и была очевидна.

– А вот она разница... Вокруг человека находится невидимое глазу защитное энергетическое поле...

– Аура, – в тех вещах даже я был просвещён. – Она тут при чём?

– Дослушайте, – твёрдо потребовал Игорь. – В моём мире ауру называют иначе, и знаем мы о ней много больше вас. Например, человек с сильной аурой с помощью неё может отпугивать даже пули, не подпускать к себе ядовитый дым и огонь. Но я сейчас не об этом... Энергетическая защита создаётся благодаря потокам, проходящим через тело человека...

– Чакры?

– Именно. В некоторых местах Земли их можно увидеть воочию. Они проявляются, как и аура, играя разными цветами. В этих зонах у нас обычно сооружают диагностические и лечебные центры. Так вот, есть две основные чакры, в которые проникают два потока: ярко-красный, несущий энергии земли, и фиолетовый, уходящий в небо, связывающий любое существо со Вселенским Разумом – с тем, кого зовут Богом.

Игорь сделал паузу, позволяя мне передохнуть и уложить в голове всё по полочкам.

– Дальше, – попросил я.

– Так вот, когда люди создают что-то, творят (неважно, что это: музыка, картины, изобретения, кулинария, селекция – да что угодно, лишь бы делалось искренне, с любо-

вью и удовольствием), сиреневый поток, связывающий с Богом, усиливается во много раз. Аура и этот каскад становятся такими яркими, что их частицы можно увидеть даже в обычных местах, не говоря о специальных зонах, где очевидцев буквально ослепляет лиловый ореол. Это и есть процесс творчества.

Всё, что рассказал Игорь, казалось мне невероятным, но я верил ему, всё так же не понимая связи моего литературного труда и его деятельности.

– Есть множество простых людей, пытающихся написать стоящий рассказ или роман, но безрезультатно. А журналистов и всяких там копирайтеров вообще несметные толпы. Настоящих же литераторов – единицы. На одном из языков Ближнего Востока писателей обозначают двумя словами, которые переводятся как «Проводник Бога». Понимаете, Вы один из них. Причём такой силы, о которой я и не подозревал.

Игорь замолчал, но на этот раз я был совершенно сбит с толку. Мне всё это казалось бредом.

– Не понимаю...

– Послушайте, Андрей Иванович, – ободряюще улыбался он. – В нашем мире Проводники – самые уважаемые люди, обладающие наивысшей властью. Но все они – ничто в сравнении с Вашими возможностями.

– И в чём же мои... м-м... «возможности»? – недоверчиво уточнил я.

– Создавая настоящие тексты, Вы это наверняка чувствуете, – он показал рукой на фантомы моих листов. – Это похоже на своеобразный транс – такое ощущение возникает в момент крепкой связи со Всевышним. Можно сказать, что этот текст Вам диктует Он сам.

– Мне всегда казалось, будто моя задача лишь успеть записать те мысли, что неистовым потоком рождаются у меня в голове, – усмехнулся я.

– Вот-вот, я и говорю об этом! Только не у Вас в голове, а намного выше. Записывая, Вы каким-то образом иногда можете расплескать этот божественный нектар, проходящий через Вас, и некоторые буквы на страницах наполняются Его силой. Если тут же собрать их в слова, а слова – в предложения, то можно получить удивительные вещи, которые Вы бы назвали заклинаниями.

– Ого! – только и выдавил я.

– Именно последствия такого сбора букв из Вашего текста Вы и обнаружили, а затем написали об этом на тех листах. Когда я читал Вашу последнюю запись, у меня глаза чуть на лоб не полезли – **ВАМ УДАЛОСЬ ОБНАРУЖИТЬ И ЗАМЕТИТЬ ПРОПАЖУ БУКВ.** Немыслимо! Хотя последнее время в наших мирах это случается всё чаще. – И, отвечая на мой немой вопрос, он разъяснил. – Уже к середине двадцатого века большинство писателей, выбирая удобство, предпочитали набирать тексты на печатных машинках, а затем и на компьютерах, но энергия переходит на бумагу лишь в ру-

кописи. Вот и приходится всё больше букв подбирать у пишущих от руки. Мы же всегда старались это делать как можно незаметнее, ну одну, ну две буквы со страницы... Сейчас аппетиты исследований в области «магии букв» только растут, а материал где брать? Вот Вы и заметили пропажу.

– Но я всё же не пойму, как применяют эти «заряженные» буквы? Что с ними делать?

– Да всё, что угодно! – в глазах Игоря горело знание всеобъемлющих возможностей магии. – Хотите быть привлекательным? Напишите слова на своей коже «Я привлекателен для всех людей». Машина заглохла? Оставьте на корпусе надпись «Я идеально исправна» – сели да поехали. Хотите ощутить себя птицей? «Я летаю и приземляюсь по своему желанию». Вы даже представить себе не можете, какие чудесные возможности открываются благодаря «магии букв». Правда, слова на теле достаточно быстро теряют свои свойства. Всё зависит от того, какой проводник, то есть писатель, и насколько мощно их зарядил. Можно пролетать или проездить на сломанной машине три минуты, а можно и 12 часов. Естественно, такие буквы, как и всякая редкость, стоят огромных денег. Да и достать их достаточно сложно. Но, кто хочет, тот может, – улыбнулся Игорь.

– И это всё получается из моих текстов?! – мне не верилось.

– Что Вы, Андрей Иванович! Я рассказал Вам лишь о вершине айсберга. Это всё так, бытовая мелочёвка. Насто-

ящую силу имеют тексты, перенесенные на бумагу, камень или ткань. Они хранятся намного дольше и обладают просто огромным могуществом. Рано или поздно и они теряют свою силу, но до этого момента может пройти не одно столетие. Чтобы Вам было понятнее, могу привести самый яркий пример в истории человечества – Библия.

– Игорь, вы хотите сказать?..

Он довольно улыбнулся:

– Евреи считают Ветхий Завет боговдохновенной книгой.

– Бог вдохнул силы в эти строки, – не составляло труда понять, что Игорь имел в виду.

– Это очень сильная книга, состоящая из работ многих магов, записывающих свои идеи «живыми словами». Но сила Ветхого Завета постепенно истощается, именно поэтому сейчас более распространен обладающий не меньшей мощностью, но более молодой, а значит и «живой» Новый Завет. Все Евангелия, Послания, Деяния и Откровение составлены из той же божественной силы, посланной через проводников и собранной древними магами: Иаковом, Петром, Иоанном, Лукой... Именно благодаря заряженности их слов могуществом волшебства, заповеди добра стали столь популярны.

– А остальные религии? – мне хочется выяснить как можно больше.

– У нас это в школьной программе по истории проходят. Распространённость и влияние того или иного учения зависит от открытости проводника, чьими буквами пользова-

лись при написании священных текстов. Дальше всё зависит только от личности пророка, который, несомненно, должен быть сильным магом. Все они занимались, вне зависимости от религии, одним и тем же – доказывали первейшую значимость миссии человека на Земле, его созидającego начала и отношений с окружающими. Ученики мага записывали свой взгляд на доктрину учителя, пользуясь «заряженными» буквами, – той же самой божественной энергией. Разные религии черпают энергию у одного Бога.

– Но как всего одна книга, пусть и записанная со слов необыкновенной личности, – я почему-то стеснялся прямо говорить о магии, – может распространять свою силу на миллионы книг, изданных обычным типографским способом?

– Божественность – это связь всего со всем. Она постоянна и неиссякаема. Просто благодаря той энергии, что скапливается в буквах, эта связь увеличивается и становится более влиятельной для физического мира. Отсюда идёт важность артефактов, которые по этим связям воздействуют на ту или иную область. Неважно, мощи ли святых, картина или особая книга – они соединяются и взаимодействуют со всеми своими копиями, пусть даже и кустарными. Вот, например, молитва «Отче Наш», или «Pater Noster»... У неё двойная сила, так как она была записана и Матфеем, и Лукой – двумя сильнейшими магами своего времени. Видимо заметив, что мне неуютно, Игорь остановил свои объяснения, и спросил:

– Что-то не так?

– Нет-нет, все в порядке. Просто непривычно, когда апостолов называют магами. Сказкой пахнет.

– Маг – это всего лишь человек, знающий законы природы и умеющий с ними обращаться. Апостолам в этом не было равных – их научили понимать и пользоваться законами во имя Любви, – стерев очередную слепую зону моего невежества, Игорь вернулся объяснять природу воздействия молитв. – Оригиналы молитв хранятся где-нибудь в архивах Ватикана, а оттуда по связям помогают любому, кто произнесет звуковое сочетание, являющееся своеобразным кодовым замком к энергии текста. Смотрите... только не на меня в упор, а постарайтесь больше периферическим зрением, боковым.

– Почему боковым? – интересуюсь я.

– Потому что оно меньше подвержено критике разума, – невозмутимо отвечает Игорь и после короткого вздоха встает и, закрыв глаза, как бы расслабившись, начинает, – «Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твое...».

Я замечаю, как в воздухе над ним, вспыхивая и угасая, замечались маленькие белые точки.

– «... Да придёт Царствие Твое; Да будет воля Твоя и на земле, как на небе...»

Еле заметные, будто подсвеченные солнечными лучами нити, то пропадая, то возникая вновь, спускаются сверху, чтобы проникнуть в темя Игоря.

– «Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам

долги наши, как и мы прощаем должникам нашим».

Из его грудной клетки и позвоночника возникают размытые, как и всё, что я вижу, светящиеся лучи. Они расходятся в противоположные стороны.

– «И не введи нас в искушение, но избавь нас от Лукавого! Ибо царствие твое, и сила, и слава во веки веков. АМИНЬ!»

Лишь стоило Игорю завершить молитву, как его озаарило тысячью маленьких искр, равномерно вспыхивающих по границе невидимого шара, внутри которого находился Игорь.

Переведя на него взгляд, я не заметил никаких лучей, нитей, искр и вспышек. Всё исчезло, словно померещилось!

Игорь открыл глаза:

– Молитвой я активировал заложенную в тексте первоисточника энергию. Видели её, Андрей Иванович? Ну как?!

Я был потрясён.

– ...Найти подходящего писателя-проводника очень сложно, – Игорь продолжал отвечать на мои бесчисленные вопросы. Мы пили чай. – Госструктурами и частными заинтересованными лицами выделяются огромные деньги на их поиски. Ведь часто проводники могут писать в стол, не издаваясь. В таком случае их залежи рукописей, словно алмазные копи – бесценны. Но такая удача – огромная редкость.

– А эффективность проводника зависит от того, на каком языке он пишет? Язык для магов вообще имеет значение? –

задал я интересующий вопрос.

– Нет, что Вы... – усмехнулся Игорь. – Вдохновение к человеку приходит из одного источника, вне зависимости от расы, национальности, пола и возраста. Знание языков необходимо тем, кто работает и ищет проводников – чем больше знаешь языков, тем больше шансов воспользоваться силой букв.

– Именно поэтому здесь столько книг? – я указал на полку с книгами.

– Да... Я знаю семьдесят два языка.

– Семьдесят два?! – восхитился я. – Вы что, Игорь, с самого детства их учите?

– С самого...

Мы помолчали. Я мог лишь восхищаться Игорем. Редко когда удивительно красивый человек ещё и умён... необычайно умен.

– Теперь, Андрей Иванович, понимаете, насколько Вы важны для этого мира. С такой силой здесь Вы могли бы добиться огромных высот, богатства, положения в обществе. Но я всё равно надеюсь, что Вы согласитесь помочь мне закончить научную работу, над которой я сейчас тружусь. Мне осталось записать всего один небольшой абзац, чтобы исследования лаборатории, в которой я состою старшим научным сотрудником, завершились успехом.

– А что это за исследования? – мне было не столько важно, куда тратится «моя» энергия, сколько интересны иссле-

дования, проводимые (подумать только) в институте магии.

– Вы же читали отрывок из нашей работы, когда соединили «пропавшие буквы», – напомнил мне Игорь. – Это часть международного проекта, включающего более девяноста стран-участниц. Мы исследуем возможность объединения стран в единую социально-политико-экономическую зону.

Странно, но составленный мной отрывок никак не походил на исследование. Диалог двух людей можно было принять за киносценарий или пьесу. Несмотря на промелькнувшее сомнение, я не стал расспрашивать Игоря более подробно. Причин не доверять его словам у меня не было.

– Единая социально-политическая зона? – повторил я за ним. – Гражданин Планеты Земля – звучит как утопия из старого научно-фантастического рассказа.

– Возможно, это и несбыточная мечта. Главное – мы хотим избавиться от этих дурацких патентных ограничений и, наконец, все вместе пользоваться общими благами технического и магического прогресса.

– А патенты распространяются и на магию тоже?

– Естественно. Ну как, Вы согласны помочь? – Игорь умоляюще смотрел на меня, но можно было обойтись и без дополнительных манипуляций – я и так хотел сделать что-нибудь хорошее для этого мира. Зачем? Наверное, чтоб понять пределы своих возможностей: пока что мне сложно поверить в свое безграничное могущество, о котором говорил Игорь.

– Что от меня требуется?

По лицу Игоря расплзлась улыбка. Несомненно, он знал, что я не откажу:

– Дописать историю, которую начали.

– Про исчезающие буквы? – уточнил я.

– Почему бы и нет? Расскажите людям обо всех приключениях и переживаниях путешественника по другому миру.

– И этого будет достаточно? – мне почему-то казалось, что для оживления букв нужно писать особые истории. В чём именно должна заключаться их «особенность», я точно не знал.

– Андрей Иванович, подойдёт всё, что угодно. Главное, чтобы написано было с душой, а по-другому, как истинный профессионал, писать Вы и не умеете, – уверял Игорь.

Я с удовольствием принял его похвалу.

– Но ведь это может занять много времени. Всю ночь и даже больше...

– Ничего страшного. Если Вы беспокоитесь по поводу разрешения на переход через колодец, то я смогу его выбить за Вас через институт. Так что можете писать, а я позабочусь о Вашем благополучном возвращении. Когда закончите творить, сможете понаблюдать, как будет создаваться магия. Я Вам покажу. Договорились?

– Договорились! – мы скрепили слова рукопожатием.

– Тогда, если Вы не против, Андрей Иванович, я посплю, пока Вы будете работать. И его слова напомнили мне, что я

и сам мало спал прошлой ночью. – Вам что-нибудь нужно: листы, ручка?

– У меня всё с собой. Если можно, я время от времени буду шастать на кухню, а то обычно в процессе работы на меня нападает дикий жор.

– Да-да, конечно! Вы здесь хозяин. Если что-нибудь понадобится – будите без стеснения.

Игорь прямо в одежде рухнул на кровать. Накрывшись пледом и доверив голову подушке, уже через пять минут он крепко спал.

Достав из сумки бумагу, перьевую ручку и плеер, я уселся на пол. Одев наушники и включив Джейми Сибера, альбом «Спрятанные небеса», я постарался отрешиться от мыслей. От неумолимо трезвого рассудка, что не желал верить в параллельные миры, магию и собственную волшебную силу, а твердил лишь о сумасшествии. Единственное, в чём я нуждался – это мелодия, вливающаяся, наполняющая тело странной уверенностью в собственной правоте. Я не могу писать без музыки...

Когда в голове уже образовался скелет будущей статьи, я сажусь искать подходящие мелодии. На это может уйти пару часов, а может – и целый день – я никогда не жалею времени на поиски и подбор мелодий. В сложившемся списке удивительным образом могут сочетаться классические мелодии с рэпом, а нью-эйдж соседствовать с чем-нибудь тяжёлым. Музыка вдохновляет, помогает отрешиться от насущных про-

блем и сконцентрироваться лишь на том, что хочу описать.

Подобранные мотивы должны удивлять, насыщать, повергать в смятение. Треки один за другим беспрерывно сменяют друг друга, умолкают, чтобы начаться вновь. И каждый раз, лишь стоит поставить точку, в конце очередной истории происходит одно и то же: впитав дух мелодии, я, словно использованные гильзы, выбрасываю уже опустошенные, безжизненные звуки. Созвучия, вдохновлявшие так недавно, вдруг становятся пустыми и безжизненными. А жаль... я бы хотел и дальше восхищаться их обаянием...

Уже исписано несколько листов. На них я постарался запечатлеть Лёшино откровение и «фокус» с пропавшей лопатой, когда он устроил мне перфоманс необычного свойства дыры проглатывать любую вещь.

Чудеса начали твориться уже с середины первой страницы... Всё также боковым зрением я замечаю, как кончик ручки светится фиолетовым светом, словно на конце пера находится маленький фонарик... Дальше – больше. Осмотревшись, улавливаю сверкающие вспышки. Они спускаются с потолка, пронизывая мою голову, от чего чувствуется непонятное воодушевление. Может, кажется, но внутри словно течёт поток, спускаясь от головы к плечу и вниз по руке, к кисти, пальцам, а оттуда – через ручку на бумагу.

И, наконец, – самое главное... Я понял, о чём толковал Игорь. НЕКОТОРЫЕ БУКВЫ СВЕТИЛИСЬ ТО ФИОЛЕТОВЫМ, ТО ЗЕЛЁНЫМ СИЯНИЕМ. Их свет переливал-

ся, будто они живые. Я чувствовал исходящую от них силу, я ощущал жизнь, таящуюся в них... Меня переполняла радость и желание творить бесконечно.

– Всё, что я мог, это поставить Вас в очередь через мэрию. – Игорь только что пришёл и теперь разувался в коридоре. – Разрешение на переход в ваш мир через государственный портал будет выдано лично Вам в руки, с двадцати до двадцати одного ноль-ноль сегодня.

– А почему так много времени требуется на выдачу разрешения? – спросил я.

– Бумажная волокита, проверка госбезопасности и ещё куча формальностей... Бюрократия – это проказа всех миров, – говорил Игорь, одновременно стягивая с себя свитер. – Так что, Андрей Иванович, перед отправлением можете поспать. Время в запасе ещё есть.

– Было бы неплохо, – я лишь полчаса назад закончил вторую часть истории, просидев за работой всю ночь и утро. Стрелка на часах только-только перевалила за полдень, и мои глаза просто слипались.

– Но сначала я очень хотел бы посмотреть, как ты, Игорь, колдуешь... – незаметно для самого себя перешел я «на ты».

– Колдую?! – усмехнулся учёный. Ему понравилась моя необычная формулировка привычной для него работы.

– Да. Составление волшебных текстов и работу с особыми буквами нельзя назвать иначе, как чародейством. Одним

глазком гляну, а потом пойду спать, – попросил я.

– Конечно. Только кофе себе сделаю и приступим.

Честно говоря, я просто не мог дожидаться. Мне не терпелось увидеть, как работает маг.

Игорь вышел из кухни, держа в руке чашку, аккуратно прошёл между разложенными по полу черновиками. Реальные листы перекрывали фантомные так, что я о них даже забыл. Игорь поставил чашку на пол возле себя и подтянул поближе свою сумку.

– Реально, это очень скучная и монотонная работа, – комментировал он то, что собирался сделать, одновременно копошась в сумке. – Если не знать, что работаешь с магической материей, созданной Вами и оценивающейся в баснословные суммы, то мое дело можно считать возней книжного червя.

Он извлёк из сумки золочёную шкатулку, сверкающую идеально ровными сторонами величиной в ладонь. Её крышка была поделена на четыре одинаковых квадрата. Бросив на меня взгляд, он приподнял одну из частей крышки...

Внутри коробочка была отделена зеркалами и, к моему великому удивлению, хранила в себе не что-то магическо-драгоценное, а всего лишь довольно неприятный на вид комок слизи.

– Что это? – спросил я, стараясь унять бушующие внутри чувства, что-то среднее между отвращением и предвкушением.

– Это буквоед. Познакомьтесь, – шутя, представил нас

друг другу Игорь. В голове само собой всплыло послание. «Найди буквоеда», – обращался ко мне неизвестный под-сказчик.

– Найди буквоеда, – уже вслух повторил я.

– Что? – не понял Игорь.

– Я говорю, это ты мне послание оставил, благодаря которому я здесь оказался? – и чтобы всё объяснить, достал из сумки записку, составленную из пропавших букв.

Игорь взял лист и внимательно прочитал короткое послание, явно изменившись в лице. Вечно обаятельная улыбка на идеальном лице куда-то исчезла, сменившись выражением тревоги.

– Так и знал, что кто-то у меня побывал в «гостях», – озабоченно нахмутив брови, проговорил он. Мне не требовалось даже спрашивать: Игорь решил пояснить всё сам. – Есть много людей, не желающих осуществления проекта объединения государств, которым по той или иной причине это не выгодно. Такие люди всячески стараются помешать этому процессу завершиться. Они-то, скорее всего, и побывали здесь. Я заподозрил это, когда обнаружил на полу фантомы черновиков с пустыми листами, будто кто-то их уже использовал.

– Я не понимаю...

– Чтобы понять, Вам нужно увидеть работу с буквоедом.

Вернув лист, Игорь достал из сумки небольшую книгу в толстом кожаном переплете. Открыв на последней странице,

он показал мне чистый лист...

– Это уже заключительный кусок работы, последний лист, который нужно заполнить. Тогда «Трактат о Единстве» будет завершён и обретёт реальную силу.

Также он достал толстую тетрадь, исписанную плохо различимыми каракулями. Я даже не был уверен, что текст написан по-русски.

– Это черновик «Трактата», по которому я составляю книгу, точь-в-точь копируя суть.

Затем он извлёк из коробочки тёмный комочек – упругий на вид, буквоед оставлял на ладони Игоря полосы слизи.

– Буквоед – это живое существо, которое в вашем мире вымерло, а в нашем чудесным образом сохранилось, и, мало того, – живёт и здравствует. Их продают у нас в квартале «чёрного» рынка. Первоначально они прозрачные и совсем маленькие, больше всего походящие на медуз. Питаются тонкими токами и энергией. Благодаря этой особенности буквоедов используют в магии. Смотрите...

Игорь натянул комочек на указательный палец, и тот растянулся, обволакивая палец наподобие напалечника. Затем, заглянув в тетрадь и сверив записи с последними фразами завершающейся книги, Игорь потёр, словно ластиком, одну из «заряженных» букв, ...и та пропала, будто стерлась. Остальные буквы этого слова незаметно соединились, замкнув цепь, заполнив место, где только что была пропавшая буква.

– Буквоед в буквальном смысле проглатывает магические символы, – пояснил Игорь не отвлекаясь.

Он спустился на пару строк вниз и стёр другую букву, почему-то пропустив несколько светящихся знаков.

– Почему ты используешь не все буквы?

– Потому что подходят только особые... светящиеся, – пояснил Игорь.

– Я это понимаю. Но ты даже из пригодных много пропускаешь.

Не отрываясь от своего дела, Игорь говорил:

– Мне нужно брать буквы, составляющие определённые слова... Вот сейчас, например, я должен записать такое предложение «Каждый должен быть сильным». Чтобы составить это в предложение, я позволю буквоеду съесть сначала букву «м», затем «ы», затем «н», и так далее...

– Что за «мын» получается? – я не совсем понимал систему.

– Слова и предложения составляются с конца к началу в зеркальном отражении. Это нужно потому, что при их переносе на другой носитель первыми появляются последние съеденные буквы. Если бы я «стирал» все подходящие буквы подряд получалась бы белиберда типа «абхнорстуф».

– Понятно... – мог бы и сам догадаться. Ведь я смог найти смысл в исчезнувших буквах, только лишь записав их задом наперед.

– Видите, Андрей Иванович, когда я забрал эту букву... и

вот эту через несколько строк, остальные заряженные буквы, находящиеся между ними, попросту теряют свою силу и перестают светиться... Именно так я и понял, что кто-то побывал в моей квартире. Новые фантомы листов, в которых не оказалось ни одной заряженной буквы – это могло значить одно из двух: либо Вы потеряли свой талант, став графоманом, во что я не поверил, либо кто-то пришёл сюда, чтобы воспользоваться Вашей силой.

Игорь продолжал искать на листах нужные буквы, позволяя буквоеду насытиться вдоволь. Когда слово было составлено, он тёр нанизанным на палец буквоедом о любое пустое место на листе (как я понял, чтобы сделать пробел) и брался за другое слово.

Закончив предложение, Игорь снял с пальца буквоеда, ставшего, по-моему, чуть больше. Но самое главное изменение – шар стал густо-чёрного цвета, как если бы вместо букв только что сожрал банку дёгтя или чернил.

– Видите, это заряженный буквоед. Теперь внутри него хранится заклинание. Именно в таком состоянии магия и продается на «чёрном» рынке.

– Внутри этих существ? – удивился я.

– Да. Если Вы захотите обворовать какую-нибудь женщину, найдите продавца. Купите у него специальное хранилище (я понял, что он имел в виду эту шкатулку) внутри которого будет храниться буквоед, «заряженный» фразой из волшебных букв: «Меня хотят все женщины». И прямо перед тем,

как подняться к нужной особе в гости, нанесите себе на кожу эту фразу. Женщина Ваша. Правда, после того, как Вы с ней переспите и чары рассеются, она подаст на Вас в суд и упрячет за решетку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.